

A fairytale castle with multiple spires and turrets sits atop a large, white, fluffy cloud. The cloud is positioned over a deep blue body of water, likely the ocean. In the background, a dark, forested coastline is visible under a clear blue sky. The overall scene is surreal and dreamlike.

**А
н
д
р
е
й** **Б
о
н
д
а
р
е
н
к
о**

РЕМАРК И МИРАЖИ

Инспектор по «маньячным» делам

Андрей Бондаренко

Ремарк и миражи

«Автор»

2014

Бондаренко А.

Ремарк и миражи / А. Бондаренко — «Автор»,
2014 — (Инспектор по «маньячным» делам)

Маньяки – тоже люди. Или, по крайней мере, человекообразные существа. И они – время от времени – устают. Отдыхать же маньяки любят (прямотаки обожают), в местах уединённых, тихих и экзотических, желательно – с многочисленными природными красотами. А ещё бывает – с точностью, но наоборот. И инспектор Ремарк знает про эти «маньячные» особенности...

Содержание

От Автора	5
Пролог	6
Миттельшпиль, середина Игры	8
Глава первая	10
Глава вторая	18
Глава третья	25
Глава четвёртая	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Андрей Бондаренко

Ремарк и миражи

От Автора

Маньяки – тоже люди.

Или, по крайней мере, человекообразные существа. И они – время от времени – устают.

Отдыхать же маньяки любят (прямо-таки обожают), в местах уединённых, тихих и экзотических, желательно – с многочисленными природными красотами.

А ещё бывает – с точностью, но наоборот.

И инспектор Ремарк знает про эти «маньячные» особенности...

Автор

Пролог

Он же – Эпилог предыдущего романа этой серии

Прошло трое суток. Танго улетала в Канберру. Надо было проводить заслуженную подругу. Хотя бы из элементарной вежливости...

Роберт «подхватил» Инэс возле станции метро. Дождался, когда она займёт переднее пассажирское кресло и пристегнётся автомобильным ремнём, плавно тронулся с места, влился в общий поток (то есть, это его старенький тёмно-синий «Шевроле Лачетти» влился), а после этого поинтересовался:

– Что это за книжечку, радость моя кареглазая, ты держишь в руках? Текст новой и потенциально-модной пьесы?

– Не угадал, успешный «маньячный» инспектор, разнообразными фотографиями которого пестрят все сегодняшние австралийские газеты, – улыбнулась Инни. – Это, повелитель моего глупого и доверчивого сердца, учебник русского языка.

– Серьёзно? – удивился Роберт. – С чего это ты решила – расширить свои языковые возможности?

– Ну, как же. Ведь Танго пригласила нас к себе в гости. В далёкую и заснеженную Россию, я имею в виду. Правда, эта поездка состоится не скоро, так как австралийская стажировка твоей русской коллеги закончится только через одиннадцать месяцев. То есть, в Россию мы с тобой, милый, отправимся через год-полтора, не раньше. Вот, за это время я и планирую – освоить русскую речь. По крайней мере, разговорную.... Кстати, Робби, я же приобрела полный комплект пособий: учебник, грамматику, словарь, разговорник, всякие аудио и видеоматериалы. Составишь мне – на учебном фронте – компанию?

– Почему бы и нет? Составлю. Лишним не будет.... Кстати, сегодняшние австралийские газеты. Они что-нибудь пишут про летний сиротский лагерь «Добрый приют»?

– Так, лишь вскользь упоминают. Без всякого скрытого подтекста. Ни словечка – о «газовых» экспериментах над сиротами. Видимо, «параллельные» деятели подсустились...

В аэропорту Сиднея было шумно, душно, бестолково и достаточно многолюдно – самый разгар летнего сезона, как-никак. Одни туристы прибывали, другие – уже до черноты загорелые, отдохнувшие и умиротворённые – убывали...

– О, ребятки! – искренне обрадовалась Танго. – Пришли-таки проводить верную соратницу. Молодцы.... Что я вижу? Учебник русского языка? Целиком и полностью одобряю. Ученье, как говорится, свет.... Где Габов? А не будет его, извините. С утра пораньше отправился в здешнее российское консульство – подавать документы на месячную туристическую визу. Хочет побыстрее отправиться в Санкт-Петербург, пока моя симпатичная младшая сестрёнка женихом не обзавелась. Хитрый и предусмотрительный, ничего не скажешь.... А какие у вас планы? Впрочем, всё и так ясно. Это я про стильное обручальное колечко, что красуется на безымянном пальчике у одной известной австралийской актрисы.... Следовательно, уже можно поздравлять?

– Можно, – победно улыбнувшись, подтвердила Инни. – Ты, боевая подруга, очень наблюдательная. Мы с Робби ещё позавчера заскочили в мэрию округа «Круговая пристань» и всё оформили – честь по чести. Так что, теперь можешь официально именовать меня – «миссис Ремарк».

– То есть, «миссис Моргенштерн»?

– Нет, в её новом австралийском паспорте так и будет записано – «Инэс Ремарк», – усмехнулся Роберт. – Эти театральные актрисы – такие затейницы...

– Молодец, Инэска! – похвалила Танго. – Классно придумала. С фантазией и глубинным смыслом. Одобряю.... Значит, теперь планируете совершить свадебное путешествие, полагающееся по новому статусу?

– Это точно, планируем. Робби же ещё ни разу – с момента своего прибытия в Сидней – не был в отпуске. Целых пять с половиной месяцев накопилось. Питер Модильяни, Прокурор австралийского штата Новый Южный Уэльс, на заявлении уже и свою положительную визу наложил. Так что, на следующей неделе – вылетаем. Сперва в австрийский Клагенфурт, знакомиться с родителями Робби. Потом на мою Родину, в Никарагуа. Ну, чтобы слегка затупить приставучую и упрямую ностальгию, которая – время от времени – посещает мою хрупкую и ранимую Душу. А после этого отправимся в аргентинский Буэнос-Айрес. Там проживает дедушка Робби. Он нас – во время вчерашнего телефонного общения – в гости позвал, неудобно было отказать.... Впрочем, вполне возможно, что именно с Аргентины мы и начнём, так как голос у старика был какой-то...м-м-м, неуверенный. Словно бы он остро нуждается в помощи, но стесняется про это сказать. Подумаем ещё сутки другие, а уже потом и определимся – с окончательным «медовым» маршрутом...

– А как же твой театр?

– Творческий отпуск взяла. Мол, надо немного отдохнуть, встряхнуться, развеяться и набраться свежих впечатлений.... Ой, объявляют посадку на самолёт, вылетающий в Канберру. Будем прощаться?

– Будем. Удачи вам, друзья, во всём. И.... Мы ещё увидимся. Обязательно.

– А ещё и созваниваться будем, – улыбнулся Роберт. – Регулярно, я имею в виду. Лишним не будет.

– Не будет...

Миттельшпиль, середина Игры

Прошло полтора часа. Светло-голубой «Линкольн», ловко петляя между холмами и оврагами пампы, ехал – с приличной скоростью – по пыльной просёлочной дороге.

В кабине было душно. И царапина на правом плече, оставленная пулей неизвестного типа в чёрной маске, слегка саднила.

– Чёрт знает что, – непринуждённо управляясь с автомобильной баранкой, ворчал под нос Роберт. – Приоткрываешь автомобильное окошко – тут же в салон набивается едкая светло-жёлтая пыль: чихать замучаешься. Закрываешь – вязкая духота наваливается. Бред законченный и бредовый. ... Плечо? Рана-то ерундовая, пуля по касательной прошла. И повязку журналист наложил дельную, кровь давно уже остановилась. Только ссадину надо было протереть – перед перевязыванием – хотя бы перекисью водорода. А ещё лучше – хлоргексидином¹. Ладно, отложим на потом. ...

Он покосился на экран планшета, закреплённого над автомобильной «торпедой» и недовольно поморщился: светло-жёлтая «засветка» беглеца продолжала медленно-медленно ползти (на самом деле – ехать со скоростью свыше девяноста километров в час), на северо-запад. Расстояние между машинами оставалось прежним – на уровне двадцати пяти-шести километров.

Раздалась мелодичная трель. Номер звонящего абонента на экране мобильного так не высветился.

– Ремарк на связи, – недоумённо пожав плечами, Роберт поднёс к уху тёмно-синий мобильник.

– Приветствую вас, инспектор! – известил бодрый мужской голос. – Как дела? Как дорога? Пыль с духотой не донимают?

– Терпимо.... Итак?

– Вам привет от Танго.

– Хм, у вас, милейший, солидные рекомендации. Ничего не скажешь. Тем не менее, представьтесь.

– Алекс Никоненко. Армейское прозвище – «Никон».

– Запомнил. И по какому вопросу вы меня беспокоите?

– Может, амиго, чисто для начала, перейдём на нормальный стиль общения?

– На какой же?

– А на солдатский.

– Перейдём, не вопрос, – продолжая крутить-вертеть автомобильную баранку одной рукой, согласился Роберт. – Итак, чего надо?

– Предупредить хочу.

– Так предупреждай. Слушаю.

– Не знаю, зачем ты гонишься за геологами...

– За геологами?

– Вернее, за двумя симпатичными геологинями среднего возраста, следующими к своему полевому лагерю на нежно-лазоревой «Мазде», – насмешливо хохотнув, уточнил собеседник. – Короче говоря, прекращай это бесполезное и опасное мероприятие.

– Почему – опасное?

– Примерно через двенадцать километров просёлок, по которому ты сейчас едешь, будет пересекать другая дорога. Вот, на этом перекрёстке тебя и поджидает засада. Киллер уже припарковал автомобиль за ближайшим холмом, а сам – с охотничьим карабином в обнимку – залёг в густых зарослях чертополоха.

---

¹ Хлоргексидин – лекарственный препарат, антисептик, выпускается биглюконата.

– Откуда знаешь?

– От пархатого и ободранного ливийского верблюда. Останови машину, выйди и посмотри в небо.

Роберт так и сделал. А задрав голову, непроизвольно улыбнулся: прямо над ним летел-парил мотodelьтаплан...

Глава первая

Прогулка по Буэнос-Айресу

И, всё-таки, они решили начать своё свадебное путешествие именно с Аргентины.

– Стариков – в обязательном порядке – надо чтить и уважать, – сидя на кровати по-турецки (естественно, в голом виде), – важно вещала Инни. – А сколько лет твоему дедуле?

– Э-э-э, – замялся Роберт. – Кажется, восемьдесят пять.

– Кажется ему, видите ли. Так не интересоваться ближайшими родственниками. Стыд и позор. Да ты совсем обнаглел, «маньячный» инспектор.... Я, вот, круглая сирота. И всё-всё-всё про это понимаю. Да, будь у меня родной дедушка. Я бы, я бы...

– Ну-ну, продолжай. Ты бы – что?

– Я бы пылинки с него сдувала. Вот.

– Пылинки. Понятное дело...

– Понятливых какой выискался, – разозлилась Инэс. – Летим в Буэнос-Айрес и точка. Все споры отменяются.

– Хорошо, в Буэнос-Айрес, так в Буэнос-Айрес. Как скажешь, – покладисто согласился Роберт. – И смены климата практически не будет. В Аргентине сейчас тоже – лето.... Только у меня будет одно непреложное условие.

– Какое?

– Не люблю гостиниц. Совсем, навсегда и однозначно. И зачуханные, и средненькие, и пяти-семи звёздные. Терпеть их не могу. Да и деда не хочется стеснять. Ведь, и Рой полетит с нами...

– Гав! – подтвердил из гостиной чуткий пёс, мол: – «Обязательно и всенепременно полечу. Другие варианты не рассматриваются. Даже и не надейтесь...».

– Поэтому и надо заранее снять апартаменты – с полноценной кухней и прочими бытовыми делами.

– Какие, собственно, проблемы? – якобы-равнодушно передёрнула худенькими плечами Инни. – Иди в наш совместный рабочий кабинет. Смело включай компьютер. И, задействовав могучий Интернет, бронируй – что приглянётся.

– И пойду.

– Так и иди.

– Только чуть позже...

– На что это, охламон белобрысый, ты намекаешь? На очередное выполнение супружеских обязанностей? По шестому кругу за вечер?

– Ага, по шестому, – глупо улынувшись, подтвердил Роберт. – А что, есть какие-то возражения?

– Никаких возражений. Вот, только...

– Что, любимая?

– Пить очень хочется.... Сгоняй на кухню за пивком, а?

– Без вопросов. А какого тебе принести?

– Что ещё за глупый и пошлый вопрос? Конечно же, «Кильмес-Кристалль». Будем при-
выкать к аргентинской классике.... Стой.

– Стою.

– Ты меня любишь?

– Люблю.

– А как – любишь?

– Как усталый двугорбый верблюд, бредущий – из последних сил – по раскалённой пустыне, вкусную и холодную водицу.

– Молодец, чеши за пивом...

Они прилетели в Буэнос-Айрес уже под вечер: сошли по самолётному трапу, получили багаж и – в специальном ветеринарном отделении – «переноску» с Роем, прошли на стоянку такси, отстояли десятиминутную очередь и, загрузив вещи в багажник, устроились на заднем пассажирском сиденье.

– Улица Виамонте, дом пять, пожалуйста, – назвал адрес Роберт. – «Меблированные комнаты Жоржиньо».

– Гав! – подтвердил из «переноски» Рой.

– Хороший выбор, – на сносном английском языке одобрил щекастый и усатый водитель.

– И чем же он так хорош?

– Гав?

– Тихий буржуазный район. Приятная и ненавязчивая архитектура. Много газонов, цветов и прочей зелени. Да и сам Мануэле Жоржиньо – славный малый...

«Славный малый» оказался высоким худым стариком с седыми моржовыми усами и задумчивыми лиловыми глазами трепетной горной ламы. Зарегистрировав новых постояльцев в толстой амбарной книге, он выложил на деревянную стойку массивный бронзовый ключ, щедро покрытый ядовито-зелёной патиной, и произнёс несколько коротких фраз на испанском языке.

– Нам надо подняться по лестнице на второй этаж и сразу после этого повернуть направо, – перевела Инни. – Крайняя дверь у двустворчатого окна... Всё понятно. Доброй вам ночи, сеньор Мануэль.

Старик, пробормотав под нос что-то неразборчивое, развернулся и, громко шаркая подошвами стареньких сандалий по каменным плитам холла, скрылся за чёрной потрескавшейся дверью.

Сами же апартаменты оказались очень милыми и уютным: светлая мебель, пахнущая свежими сосновыми досками, просторная кухня, туалет с унитазом и биде, ванная комната, выложенная светло-бежевой керамической плиткой, тёплая вода, текущая тоненькой струйкой из никелированной трубы, прохладное, в меру накрахмаленное постельное бельё.

– Даже кресло-качалка имеется, – обрадовался Роберт. – Почти такое же, как и в нашей сиднейской квартире. Запрыгивай, Рой. Смелее... И как оно тебе?

– Гав! – одобрил той-терьер, а после этого уточнил: – Гав?

– Твой «туалетный» поддон? Сейчас достану из чемодана. Практически уже достал... И голубые гранулы, естественно, засыплю. Ну, а сам поддон в туалете и размещу... Не возражаешь?

– Гав...

– Холодильник, как и следовало ожидать, девственно пуст, – проведя на кухне лёгкую ревизию, сообщила Инэс. – Зато имеется чайная заварка и сахар. А я, будучи девушкой предусмотрительной и запасливой, прихватила с собой из Австралии печенье, шоколадку и чипсы. Так что, с голода не умрём. Да и сухой корм для Роя сейчас извлеку из дорожного баула... Милый, будешь звонить деду?

– Пожалуй, не стоит, – подував с минутку, решил Роберт. – Приятный сюрприз, что называется, будет. Завтра утром, предварительно перекусив где-нибудь, нагрянем к нему в гости. Как снег на голову... Чур, в душ я иду первый.

– С чего бы, вдруг?

– С того, что я первым это придумал... Или же...м-м-м, заглянем туда вдвоём?

– Ну, не знаю, право...

- Там достаточно просторно, я заглядывал. Запросто поместимся.
- Да я не об этом, – фыркнула Инни. – Что, девушке нельзя немного поманерничать, строя из себя стеснительную и робкую недотрогу?
- Манерничай, конечно, сколько хочешь. Не вопрос.
- А я передумала. Пошли в душ...

Утром они проснулись от громких и надсадных звуков клаксонов: за окном безостановочно и на разные голоса, невежливо перебивая друг друга, сигналили машины.

– Может, там что-то случилось? – сев на постели, забеспокоился Роберт. – Например, массовая авария?

– Гав? – поддержал из кресла-качалки Рой.

– Ничего не случилось, – сладко зевнув, заверила Инни. – Это просто Латинская Америка так здороваются с нами.

– Это в каком же, извини, смысле?

– В самом прямом. Вот, в твоей «бюргерской» и сонной Австрии – когда образуется дорожная пробка – что делают водители?

– Ничего они не делают. Спокойно и покорно ждут. Ну, и тихонько двигаются в общем потоке.

– Спокойно? Покорно? И никуда не вклиниваются? И друг друга «не подрезают»?

– Зачем? – удивился Роберт. – Какой в этом, извини, смысл?

– А ещё и дамам-водителям дорогу уступают?

– И такое случается. Причём, зачастую.... А в чём дело-то?

– Ни в чём, – огорчённо вздохнула Инэс. – Просто во всех латиноамериканских странах живут совсем другие люди. Во всех и совсем другие. Горячие такие, нетерпеливые, нервные и задиристые.... Просто так стоять в автомобильной пробке? Не посигналив от Души и не поругавшись с другими шоферами? Фи, как пошло и скучно. Не дождётесь. Да, и вообще, сдерживать свои эмоции – это очень неестественно и, более того, вредно для психического здоровья.... Встаём?

– Конечно.

– А душ посещаем по очереди? Или же совместно?

– Второй вариант, понятное дело. Как любящим друг друга супругам и полагается.... Кстати, звуковая какофония за окнами постепенно стихает. Пробка рассосалась?

– Скорее всего.... Рой, тебе придётся – некоторое время – провести в одиночестве.

– Гав?

– Возможно, что и до позднего вечера. Но не расстраивайся. Потом мы с тобой обязательно прогуляемся – по здешним уютным улочкам и зелёным скверам.

– Гав?

– Да, пока довольствуйся сухим кормом. Но на обратном пути я тебе куплю чего-нибудь вкусенького. Обязательно. Например, говяжьей печени и почек.... Договорились?

– Гав...

Они покинули «Меблированные комнаты Жоржиньо» в десять тридцать утра и, не пройдя по улице Виамонте и семидесяти метров, наткнулись на уютный безымянный ресторанчик.

– В очередной раз могучий Интернет не соврал, – сообщила Инни. – Во-первых, там утверждалось, что Буэнос-Айрес занимает одно из первых мест в Море по количеству различных заведений общественного питания на один городской квадратный километр. Мол, почти на каждом углу можно найти какую-нибудь забегаловку.... А, во-вторых, говорилось о том, что многие новые аргентинские рестораны и кафе предпочитают открываться, и вовсе, не имея

названий. Почему? Всё из-за того же своеобразного латиноамериканского менталитета. Мол, всё на этом Свете должно развиваться сугубо естественным путём, без искусственного нажима. В том числе, и название нового заведения, прямо-таки, обязано «сложиться» само по себе. То есть, его должны придумать – самостоятельно и без подсказок – посетители-клиенты. Вот, как они будут его именовать в разговорах между собой, так тому и быть. Местная привычка такая. Симпатичная и философски-выверенная, надо признать...

Завтрак, предложенный в безымянном ресторанчике, оказался простеньким и немудрёным, но – вместе с тем – сытным и весьма симпатичным: свежие пшеничные булочки, коровьи и козьи сыры в расширенном ассортименте, янтарно-жёлтое сливочное масло, ветчины и разнообразные копчёности, тонко нарезанная говядина вчерашней варки, а на десерт – кофе двадцати пяти сортов на выбор.

Да и обслуживающий персонал, как выяснилось, неплохо владел английским языком.

– Всего несите, – ознакомившись с «утренним» меню, велел Роберт. – Аппетит у меня нынче – просто зверский. И, что характерно, с тех самых пор, как я стал – в официальном порядке – женатым человеком.... А, вот, кофе, пожалуй, не надо. Замените его, любезный, двумя бокалами пива...

Пожилой официант, лоб которого был украшен большим тёмно-лиловым родимым пятном неопределённой формы, неодобрительно покачивая седой головой и что-то сердито бормоча под нос, удалился.

– Расстроил, понимаешь, старенького дяденьку, – язвительно хмыкнула Инэс. – Деятель евро-австралийский.

– И чем же, если не секрет?

– В Аргентине, видишь ли, не принято – с утра пораньше – употреблять алкогольные напитки. Дурной тон, попрание вековых традиций и полное бескультурье. Вот, уже после сienes – совсем другое дело. И сколько угодно.... Хорошо ещё, милый, что ты заказал «Кильмес-Кристалль». Если в заказе фигурировала бы иностранная пивная марка, то даже и не знаю – что было бы дальше. Как минимум, указали бы на порог. А могли бы и полицию вызвать...

– Зачем – полицию?

– Для того чтобы установить личность злостного нарушителя национальных моральных устоев. Вдруг, он (то есть, ты), является подлым иностранным шпионом? Например, английским? После памятной войны 1982-го года за контроль над Фолклендскими островами в Аргентине к англичанам (да и к американцам за компанию), относятся с ярко-выраженным недоверием.

– А я никакой конкретной марки пива и не называл, – вспомнил Роберт. – Вообще.

– Что из того? Аргентинцы, они же очень консервативны в своих пристрастиях и вкусах. Здесь любимые марки и сорта – у большинства населения и на протяжении многих-многих лет – одни и те же. Когда ты просишь принести плитку шоколада, не уточняя при этом марки, то тебе обязательно принесут «Ноэль», а если закажешь «просто пива», то непременно притащат пол-литровый бокал «Кильмес-Кристалль».... И что я говорила?

К их столику подошли сразу три официанта. Двое молоденьких начали несуетливо сгружать со своих подносов блюда-тарелки с лепёшками, маслом, сырами и различными мясными продуктами-деликатесами. А их пожилой коллега установил на столешницу – на специальные круглые картонные подставки – два высоких стеклянных бокала, покрытых тончайшим светло-голубым слоем инея. На бокалах, естественно, красовался логотип – «Кильмес-Кристалль»....

Завтрак проходил в спокойной и непринуждённой обстановке. В дальнем углу помещения о чём-то негромко бормотало испаноязычное радио, а за приоткрытым – по летнему времени года – окошком негромко и лениво перекликались разноцветные птички, беззаботно снующие в тёмно-зелёных кронах высоченных платанов. В ресторанном зале было свежо, солнечно и малоллюдно.

Неожиданно раздался звон разбитого стекла.

Роберт обернулся: это седенькая благообразная старушка, занимавшая столик у самой входной двери, неловко смахнула со столика чашечку из-под кофе.

«Это она от волнения – смахнула», – уточнил педантичный внутренний голос. – «Прочитала что-то в утренней газете, вот, и разволновалась. Даже на ноги вскочила...».

Старушка, тем временем, разразилась целым потоком трескучих испанских фраз: то ли ругала кого-то, то ли, тыкая морщинистым пальцем в газетный текст, причитала.

Только примерно через три минуты она полностью выговорила и, вручив подошедшему официанту мятую денежную купюру, покинула заведение.

– Что случилось с бабулей? – спросил Роберт. – Из-за чего она так разволновалась?

– Это, знаменитый «маньячный» инспектор, сугубо по твоему профессиональному профилю, – многозначительно усмехнулась Инни.

– Серьёзно?

– Серьёзней не бывает. Вот, послушай. Перевожу максимально близко к услышанному. Практически дословно. Итак.... «А я вам всем – что говорила всё это время? Маньяк это. Точно вам говорю. Точней не бывает.... И в прошлом году было то же самое. Помните? Весной он убивал археологов. Летом – заслуженных пенсионеров из «Эскадрона смерти». И этой весной двух археологов на тот Свет отправил. А вчера – очередного бывшего сотрудника спецслужб.... И куда только смотрят полиция и Прокуратура? Почему все эти убийства до сих пор не объединены в одно дело? Почему, я вас спрашиваю? Одни бездари и коррупционеры вокруг, куда не плюнь. Зла, прямо-таки, не хватает.... Пойду домой, буду писать письмо нашей законной и активной Президентше. Пусть срочно вмешается в ситуацию и всё разрулит. Так его и растак...». И как, милый, тебе этот яркий и неадекватный монолог?

– Ерунда, – легкомысленно отмахнулся Роберт. – Я нахожусь в заслуженном отпуске, и сейчас маньяки меня не интересуют. Совершенно, совсем и ни капли. Тем более, аргентинские.... А что это за «Эскадрон смерти», о котором упоминала разговорчивая старушка?

– Так в здешнем народе называют одну из аргентинских спецслужб. Некий аналог американского ЦРУ и русского КГБ. Но, естественно, с аргентинским национальным уклоном.... Рассказать тебе поподробней? То есть, в расширенном порядке?

– Конечно. Время пока терпит.

– Слушай, Робби.... Упомянутая спецслужба была создана – по инициативе сурового генерала Хуана Перона – в далёком 1946-го году. Тогда она называлась – SIDE, то есть, «Координация Государственной информации». Потом, в 1955-ом году, мрачного диктатора Перона успешно свергли, а службу переименовали в – SIDE, то есть, в «Секретариат Государственной Информации». Ну, а простые люди всегда величали эту организацию либо – «Разведывательным секретариатом», либо – «Эскадрона смерти».... Чем занимался вышеозначенный «Эскадрон»? Национальной безопасностью страны, конечно же. Но только с точки зрения тех, кто находился – на конкретный момент – у Власти. А среди них, естественно, было немало профессиональных и потомственных военных. То бишь, SIDE – по своей глубинной сути – являлась тайной полицией, осуществлявшей многоуровневую разведку среди повстанцев, профсоюзов, оппозиционных партий, а также всех других организаций, которые имели антиправительственную направленность. Естественно, речь шла и о физическом устранении наиболее-одиозных политических противников. О достаточно активном и умелом устранении, я имею в виду.... В 1983-ем году аргентинских военных, наконец-таки, окончательно отстранили от государственной Власти. Но SIDE ещё долго продержался, причём, по самым различным объективным и субъективным причинам. И был официально расформирован только в 2001-ом году.

– Официально?

– Это точно, – заговорщицки подмигнула Инни. – Мол, распустили запятнавший себя «Эскадрон» и создали взамен ему несколько мирных и насквозь демократических контрок: «Национальная школа разведки», «Разведывательное сообщество Аргентины», что-то там ещё.... Но простой народ-то не обманешь. Все прекрасно знают, что «Эскадрон смерти» до сих пор жив, здоров и, отнюдь, не дремлет. Мол, сложно без него, родимого, оперативно решать накопившиеся – за долгие-долгие годы – проблемы...

– Я догадываюсь, откуда ты почерпнула эту специфичную информацию, – насмешливо прищурился Роберт. – И даже – в каком конкретно приморском городе.

– Но-но, милый. Не стоит обсуждать эту скользкую и туманную тему. Особенно, находясь здесь, в беспокойном и непредсказуемом Буэнос-Айресе...

Успешно покончив с завтраком, молодожёны покинули безымянный ресторанчик и бодро зашагали по улицам, проспектам и переулкам Буэнос-Айреса.

– И как тебе сам город? – через некоторое время поинтересовалась Инэс. – Нравится?

– Безусловно, – улыбнулся Роберт. – Напоминает сразу многие европейские города. Местами – Барселону. Где-то – Вену. В чём-то – Париж. Есть, короче говоря, в облике современного Буэнос-Айреса нечто, безусловно, симпатичное и неповторимое. И чёткая городская аура ощущается – личная, лёгкая и, так сказать, до невозможности загадочная и таинственная...

– У этого города – несколько полноценных и сугубо-личных аур. В «тихом и буржуазном центре» (по выражению вчерашнего таксиста), она одна. В новостройках – совсем другая. В рабочих кварталах и откровенных трущобах – третья.... А местные девушки? Нравятся?

– Ничего, симпатичные. А ещё и длинноногие, в коротеньких завлекательных юбочках. Только...э-э-э, какие-то...

– Какие?

– Глазастые. В том смысле, что так и «ощупывают» тебя любопытными и заинтересованными глазами. А ещё и улыбаются – с долей дежурного заигрывания.

– Почему же – с долей? – слегка обиделась Инни. – Конечно, заигрывают. Причём, откровенно и однозначно. Ты же у меня – красавчик писанный. Вылитый Роберт Локамп из «Трёх товарищей».

– Да, ладно тебе.

– Ничего и не ладно. Красавчик. Я сказала...

Они спустились в душное аргентинское метро, не без труда втиснулись в давно-некрашенный вагон и проехали несколько станций. Потом – по противно-дребезжавшему эскалатору – поднялись наверх.

– Какие же в Буэнос-Айресе шикарные и неповторимые платаны, – оглядевшись по сторонам, восхитился Роберт. – Высоченные, разлапистые, с очень густой изумрудно-зелёной листвой. И растут, такое впечатление, везде и всюду.

– Это точно, – согласилась жена. – И что с очень густой листвой. И что их здесь избыточно много.... А ещё у местных платанов есть одна характерная и эксклюзивная особенность. В осеннем мае месяце их листья резко-резко меняют свой ярко-зелёный цвет на тёмно-бурый и нежно-лимонный, а после этого – буквально за считанные дни – облетают. Местные жители говорят, что Буэнос-Айрес – по поздней осени – это один такой сплошной и нескончаемый листопад. Интересно было бы посмотреть...

К остановке подкатил старенький тёмно-синий троллейбус, междверное пространство которого было украшено поясным портретом улыбающейся и белокурой Эвиты Перон.

– Вот, как оно бывает, – печально и чуть завистливо вздохнул Роберт. – Эва умерла больше шестидесяти лет тому назад, а Аргентина до сих пор без ума от своей «Небесной Прин-

цессы».... Залезаем, любимая, залезаем. Нам, как раз, в ту сторону. По крайней мере, так мне утром подсказал мудрый и всезнающий Интернет...

На четвёртой остановке они вышли.

Круглые уличные часы, украшавшие навершие одного из уличных фонарей, показывали двенадцать тридцать три.

– Ага, легендарная площадь – «Пласа Италия», – обрадовалась Инни. – Её цветными фотографиями украшены почти все туристические буклеты, посвящённые аргентинской столице. А вон и скромная вывеска знаменитого бара – «Милонга». Говорят, что в него и сам Эрнесто Че Гевара заходил неоднократно.... Так-с, светло-серый четырёхэтажный дом с единственной парадной. На углу закреплена маленькая белая табличка с тёмно-синей цифрой «8».... Здесь и проживает твой уважаемый предок?

– Здесь и проживает.

– Пойдём?

– Пожалуй, я сперва перекурю, – остановился возле тёмно-синей скамьи Роберт. – Присаживайся, кареглазка смуглолицая.

– Как скажешь, мой белобрысый господин и повелитель. Присела. И ты приземляйся рядышком. Только дыми, пожалуйста, в сторону.... А теперь рассказывай – про деда. Почему он, вообще, проживает в беспокойной Аргентине, а не в сонной и благополучной Австрии?

– Это мой мудрый прадед (причём, тоже Роберт Моргенштерн), так – в своё время – решил. Тридцатого января 1933-го года Адольф Гитлер стал рейхсканцлером Германии. И прадедушка, имевший непосредственное отношение к немецким коммунистам и марксистам, понял, что добром это не закончится. И, более того, в двадцатых числах февраля того же года, он, прихватив жену и маленького сына Ганса, отбыл в Южную Америку. Вовремя, кстати, отбыл, уже через полторы недели после этого в стране начались массовые репрессии. Из трёхсот тысяч членов компартии Германии около половины подверглись преследованиям и гонениям, были брошены в тюрьмы и концлагеря, а десятки тысяч – убиты.... Первое время Моргенштерны проживали в Уругвае, а потом переехали в Аргентину. Ганс Моргенштерн вырос, получил высшее образование, женился. У них с супругой родился сын – Отто Моргенштерн, мой отец. Он тоже вырос и получил высшее образование. А потом, будучи в двадцатидвухлетнем возрасте, решил посетить Родину предков. Сперва побывал в немецком Мюнхене, а после этого – в австрийском Клагенфурте, в котором проживали дальние родственники. Там-то он и встретился с красавицей Габриэлой Вагнер. Встретился, познакомился, влюбился и женился. А после этого, через некоторое время, и я появился на Свет.... Почему мои родители остались жить в Австрии? Точно не знаю, врать не буду. Но, скорее всего, это было мамино решение – она женщина твёрдая и властная, стопроцентная австриячка с крепкими католическими корнями-устоями.... Дедушка приезжал к нам в Клагенфурт пару-тройку раз, когда я был совсем маленьким. А потом общение как-то прервалось.... Короче говоря, мы с ним не виделись порядка двадцати трёх лет. Сейчас Ганс Моргенштерн живёт в полном одиночестве: его жена и другие аргентинские родственники уже умерли.... Где и кем он работал до выхода на пенсию? В аргентинской системе правоохранительных органов. Занимал какую-то скромную и неприметную должность. То ли в полиции, то ли в Прокуратуре. Точно не знаю.... Пошли? – поднявшись на ноги и отправив окурочек в приземистую бетонную урну, предложил Роберт.

– Пошли...

По узким, слегка выщербленным ступеням серой винтовой лестницы они неторопливо поднялся на третий этаж.

– Вот, она, квартира за «шестым» номером, – сообщил Роберт, а после этого насторожился: – Что это такое? Дверь опечатана? Причём, дважды? Милая, а что написано на этих круглых печатах?

– Сейчас переведу, – пообещала Инэс. – Сейчас-сейчас.... Эта маленькая – полицейского участка. А эта большая и солидная – прокурорская...

Глава вторая

Опоздали

– Может, всё ещё обойдётся, а? – чуть подрагивая карминными, изысканно очерченными губами, вопросительно улыбнулась Инни. – Ошибка какая-нибудь? Недоразумение? Или же, например, элементарная квартирная кража?

– Не обойдётся, – скрипнув зубами, отрицательно помотал головой Роберт. – Входная дверь с «двойной опечаткой»? Это очень и очень серьёзно. Наверняка, речь идёт о значимом преступлении. Об убийстве, если выразаться напрямик... Мы, милая, похоже, опоздали. Беспокойство в голосе деда проявлялось, отнюдь, не на пустом месте.

– Что теперь будем делать?

– Надо срочно посетить районное управление Прокуратуры. Полиция? Пока ни к чему, они, ведь, только фиксируют сам факт совершённого преступления. А непосредственно расследованием в Аргентине занимаются прокурорские работники...

Раздался тихий и задумчивый скрип, приоткрылась дверь, располагавшаяся напротив опечатанной, и в образовавшемся проёме возникло-появилось круглое женское лицо, украшенное глубокими старческими морщинами и многочисленными светлыми папильотками² в крашенных тёмно-рыжих волосах.

«Ей порядка семидесяти трёх-четырёх лет», – машинально отметил Роберт. – «Может, и больше, просто регулярно и старательно следит за своей внешностью...».

Пожилая женщина, грозно сдвинув тоненькие выщипанные брови к переносице, задала – на испанском языке – два коротких вопроса.

«Кто такие будете? И что вам здесь надо?», – любезно подсказал догадливый внутренний голос.

Инни попыталась что-то объяснить, но старушка, невежливо перебив её и пристально всматриваясь в Роберта, спросила – уже на английском:

– Ты, молодчик белобрысый, приходишься мистеру Гансу Моргенштерну внуком?

– Да, прихожусь.... А как вы, многоуважаемая сеньора, узнали об этом?

– Абсолютно ничего хитрого. Во-первых, соседushка мне как-то рассказывал, что к нему в гости из Австралии скоро приедет внук – в компании с молоденькой и смазливой жёнушкой. А, во-вторых, ты – точная копия Ганса. Тридцатилетнего Ганса Моргенштерна, я имею в виду. Мы с ним, почитай, пятьдесят пять лет – без малого – были соседями по лестничной площадке.

– Были? – громко сглотнув слюну, уточнил Роберт.

– Ага, были. Убили вчера, молодчик, твоего дедулю-зазнайку.... А какой был красавец-мужчина. Слов, прямо-таки, не хватает. В молодости, конечно. Даже ухлёстывал за мной, негодник такой.... Или же, наоборот, это я за ним ухлёстывала? Уже не помню, увы, в точности. Старческий склероз, извините.... Но несколько раз мы с ним, тем не менее, переспали. Так, чисто по-соседски, без далеко-идущих планов, задумок и последствий.... К чему это теперь скрывать, когда и скрывать-то, собственно, не от кого? Умерли все давно – ревнивые мужья-жёны...

– Извините, конечно, – вмешалась в разговор Инэс. – Но кто же убил сеньора Ганса? И за что?

– Никогда, пигалица кареглазая, нельзя перебивать старших, – рассердилась пожилая дама. – Ладно, прощаю на первый раз. Так и быть.... А ты – симпатичная и стильная. Вон,

---

² Папильотка – небольшой жгут ткани или бумаги, на которые до изобретения бигуди накручивали пряди волос для их завивки.

какого видного молодчика захомутала. Даже и под венец, судя по кольцам на пальцах, затащила. Одобряю.... Впрочем, и я в твоём возрасте была ничуть не хуже. Ничуть. В том плане, что совсем даже и не промах...

– Простите, пожалуйста, за невежливость.... А как вас зовут, уважаемая донья?

– Элизабета Алварес Ортега-и-Пабло

– Очень приятно, сеньора.... Но что же здесь произошло? Расскажите нам, пожалуйста.

– Значит, молодожёны австралийские, подробностями интересуетесь?

– Интересуемся, – подтвердил Роберт. – И даже очень. Если, конечно, вас не затруднит. Будем благодарны и признательны.

– Вежливый и обходительный парнишка. Знать, в покойного дедушку пошёл, – одобрительно усмехнулась старушка. – Только нет, ребятки, никаких подробностей. Извините, но – ни-ка-ких.... Дело-то, как и водится в таких серьёзных случаях, засекретили. Причём, сразу, умело и старательно. Как же, такого важного и заслуженного человека убили-погубили.... Слухи, сплетни и домыслы? Увольте, ради Бога. Брезгую. С ними вы можете ознакомиться практически во всех сегодняшних утренних газетах и газетёнках. Лично от себя рекомендую – «Clarín»³. Эти, по крайней мере, стараются не врать в открытую и не фантазировать излишне, без повода.... Вы, кажется, спрашивали, за что убили старину Ганса Моргенштерна? Надо думать, что за гордыню безмерную и грешную. Решил – на старости лет – прославиться на всю страну. Ну, и длинный язык распустил, меры не зная. Воспоминаниями, понимаешь, начал публично и бесконтрольно делиться. Вот, и доделился. Чего, впрочем, и следовало ожидать. А я, ведь, предупреждала. Причём, неоднократно.... Ладно, его дела. Проехали. О покойниках – либо хорошо, либо – никак.... Всё, голубки влюблённые, больше ничем не могу помочь. Не обессудьте. Всех благ.

Дверь закрылась, звонко щёлкнула «собачка» замка...

Они, молча спустившись по серой винтовой лестнице, вышли на улицу.

Мимо проходила живописная группа молодых людей: два паренька и две девицы. Юноши были одеты в чёрные узкие джинсы и широченные чёрные рубахи навыпуск. Девицы же – в тот день – предпочли строгую аргентинскую классику: голубые обтягивающие юбки до колен и белые кружевные блузки свободного покроя. На груди у каждой был закреплён большой значок с легкоузнаваемым профилем Эвы Перрон.

Инни обратилась к проходящим с вопросами.

Девицы, презрительно фыркнув и демонстративно глядя в сторону, прошли мимо. А юноши, всё же, остановились и на заданные вопросы ответили. Но так – кратко, сжато и без особого желания. Ответили, сопровождая короткие фразы скупыми жестами, и активно зашагали дальше, догоняя своих горделивых спутниц.

– Что это была за странная компания? – поинтересовался Роберт.

– И в чём же, по твоему мнению, выражалась означенная странность?

– Во-первых, приметная одежда, слегка напоминающая униформу. Во-вторых, эти пафосные значки на белоснежных девичьих блузках.... Они, что же, являются членами какой-то местной молодёжной организации?

– Ты, милый, всё верно понимаешь, – неоднозначно вздохнув, согласилась Инни. – Понимаешь, Аргентина – ужасно-политизированная страна. Так, уж, повелось с незапамятных времён.... Сколько сегодня здесь насчитывается политических партий и иных аналогичных организаций? Думаю, что никак не меньше пятидесяти-шестидесяти. В том плане, что, наверняка, намного больше.... Кем являются эти конкретные представители и представительницы слав-

---

³ «Clarín» ежедневная газета, печатающаяся в Буэнос-Айресе, основана в 1945-ом году, выходит самым большим тиражом в Аргентине.

ной аргентинской молодёжи? Судя по отдельным деталям их одежды и характерным повадкам, классическими и убеждёнными перонистами. Хотя, могут оказаться и хустисиалистами, и правыми ультра. Или же, вообще, военизированными католиками. Но точно – не социалистами (всех мастей), и коммунистами. У тех на значках был бы изображён Эрнесто Че Гевара. Или же Лев Троцкий. Или даже сам Иосиф Сталин.

– А почему эти симпатичные девушки отнеслись к тебе так...э-э-э, высокомерно?

– Презрительно они ко мне отнеслись, чего уж там.... Почему? Естественно, из-за моего легкомысленного внешнего облика. Яркий макияж на лице. Ногти на пальцах рук наманикюрены. Юбочка – на их пуританский взгляд – слишком коротковата. Топик – вызывающе-обтягивающий. Короче говоря, не являюсь «правильной и продвинутой» барышней, думающей – в первую очередь – о насущных и глобальных проблемах нашего брэнного и многострадального Мира.... О чём, спрашивается, можно говорить с такой бездарно-поверхностной вертихвосткой? Правильно, ни о чём.... Ладно, это их личные и приватные тараканы, нагло оккупировавшие молоденькие и неокрепшие мозги. Не осуждаю. Бывает. Чего уж там.... Зато парни «в чёрном» мне чётко разъяснили – как дойти до ближайшей «прокурорской конторы». Здесь совсем и недалеко, минут семь-десять пешочком...

Районное управление Прокуратуры городского округа «Палермо» располагалось на тихой и зелёной улочке, в приземистом и мрачном пятиэтажном здании с серо-розовыми мраморными колоннами.

На главной «прокурорской» проходной, как и полагается, обнаружилась стандартная пропускная «вертушка», рядом с которой – в просторной стеклянной кабинке – сидел суровый широкоплечий облом с пустыми «оловянными» глазами, облачённый в строгий угольно-чёрный офисный костюм.

Инэс – по-испански – поведала о цели их визита.

На человека в чёрном костюме её рассказ не произвёл никакого впечатления: в его глазах по-прежнему плескалась лишь серая безысходная скука, слегка разбавленная безгранично-ленивым равнодушием.

Пришлось повторить. На этот раз – более длинно, эмоционально и развёрнуто.

Облом, пару раз понимающе покивав массивной коротко-стриженной головой, кому-то позвонил по внутренней телефонной связи, после чего попросил немного подождать и сохранить спокойствие.

И минуты не прошло, как возле «вертушки» появился приметный тип: высокий, смуглолицый, черноволосый, худой, поджарый, с тоненькими щегольскими усиками над верхней губой и с ярким цветным платком на жилистой шее.

«Слегка напоминает породистого охотничьего пса, идущего по свежему следу потенциальной добычи», – сообщил наблюдательный и скорый на выводы внутренний голос. – «Наверняка, братец, это по наши Души. Местный азартный сыщик, надо понимать, настроенный «копать» по полной и расширенной программе.... А ещё он, судя по всему (а особенно по этим характерным усишкам и модному шейному платку), является идейным и записным мачо. То бишь, гнусным и беспринципным бабником, если выразаться напрямик.... Ох, смотри, приятель, как бы этот сластолюбивый пижон не положил глаз на нашу симпатичную и неповторимую миссис Ремарк. Если что – сразу же бей по наглой усатой роже. Сразу и не раздумывая. На поражение....».

– Мистер Моргенштерн? Внук покойного сеньора Ганса Моргенштерна? – обратился к Роберту на приличном английском «породистый охотничий пёс». – А это, – заинтересованно «мазнул» взглядом по стройной фигурке Инэс, – ваша супруга?

– Да, всё правильно, – кивнув головой, подтвердил Роберт и, дабы изначально не «уронить марку», попросил: – Представьтесь, милейший.

– Педро Карраско, старший криминальный следователь округа «Палермо», – охотно отрекомендовался «сладостлюбивый пижон», после чего ожидаемо предложил: – Может, пройдем в мой служебный кабинет? Выпьем качественного бразильского кофе и поговорим? Согласны, уважаемые зарубежные туристы? – небрежно махнул правой рукой облому с «оловянными» глазами, мол: – «Эти люди – со мной. Незамедлительно пропустить...».

Пройдя через «вертушку», они – следом за местным криминальным инспектором – поднялись на второй этаж здания и вскоре, поплутав несколько минут по извилистым тесным коридорчикам, оказались в его служебном кабинете.

«Кабинет, как кабинет», – подумал Роберт. – «У меня, в сиднейском офисе, почти такой же: высокие стеллажи с документами, старенький одёжный шкаф, пара приземистых тумбочек, металлический сейф, письменный стол с креслом на колёсиках, компьютер, принтер, ксерокс-сканер, стулья для посетителей, кофеварка, маленький холодильник в дальнем правом углу.... Да и пахнет – однозначно знакомо: недавно выкуренной сигаретой и лёгким алкогольным перегаром. Только в моём кабинете стены выкрашены в нейтральный светло-бежевый цвет, а здесь густо завешены журнальными фотографиями голых и полуголых красоток – самых различных комплекций, цветов кожи и колеров волос.... Впрочем, это ещё ни о чём не говорит. Может, эти листы, аккуратно извлечённые из «мужских» журналов, закрывают собой – просто-напросто – гадкие протечки и неаппетитные пятна на стенах? А, что такого? Обычное дело, если вдуматься...».

Хозяин кабинета, заняв кресло на колёсиках и солидно откашлявшись, любезно предложил:

– Присаживайтесь, гости австралийские. Выбирайте подходящие стулья и присаживайтесь.... Надеюсь, паспорта при вас? Отлично. Давайте их сюда, взгляну – сугубо для порядка.... Итак, Роберт Моргенштерн. Паспорт австрийский, но прибыл к нам из далёкой и экзотичной Австралии. Что же, бывает. Абсолютно ничего криминального.... Инэс Ремарк, австралийская подданная. Но, позвольте, вы же сообщили охраннику на пропускном пункте, что являетесь мужем и женой. Почему же фамилии – разные?

– Либеральные австралийские законы этого не запрещают, – лучезарно улыбнувшись, пояснила Инни. – Более того, дружеское и служебное прозвище моего мужа – «Ремарк». Вот, я и решила – официально, так сказать, закрепить это приметное обстоятельство. Невинный женский каприз, и не более того.... А моя «девичья» фамилия – чисто для справки – «Сервантес».

– Как? Сервантес? Вот же, незадача....

– Что вы имеете в виду?

– Нет-нет, ровным счётом – ничего, милая миссис Ремарк. Извините. Это я о своём. Задумался слегка.... А авиационные билеты, по которым вы прилетели в Буэнос-Айрес? Где они?

– В моей дамской сумочке, конечно же. Вот, держите....

– Премного благодарен, – заинтересованно листая билетные книжечки, плотоядно оскалился Педро Карраско, но уже через полминуты его охотничий азарт куда-то испарился без следа, и он – скучным и тусклым голосом – объявил: – Никаких претензий, дамы и господа, к вам не имею. Можете быть свободны. Забирайте свои билеты и паспорта. Сейчас я вам выпишу пропуска – для охранника внизу....

– Не понял, – опешил Роберт. – Как это – свободны? Мы и так не были арестованными.... Что случилось?

– Да, собственно, ничего.

– А, кажется, понял. Всё дело – в дате и времени нашего прилёта.... То есть, когда мы в аэропорту Буэнос-Айреса спускались по самолётному трапу, мой дед был уже мёртв?

– Да, его убили часов за двенадцать-тринадцать до этого.

– То бишь, мы были вам интересны – только когда являлись потенциальными подозреваемыми по данному делу? А после выявления стопроцентного алиби – от ворот поворот?

– Вы всё правильно понимаете, уважаемый мистер Моргенштерн. Увы, но мне сейчас не до вас. Совсем нет времени. Дела. Начальство рвёт, мечет, нервничает и торопит. Приходите...м-м-м, скажем, послезавтра. Например, в это же время. Тогда и пообщаемся более подробно...

– А как же быть с обещанием – напоить нас качественным бразильским кофе? – Роберт вытащил из кожаного портмоне и небрежно выложил на письменный стол свою визитную карточку.

– Что такое? – заинтересовался Педро Карраско, а ознакомившись с содержанием визитки, поморщился, будто бы только что отведал кислого лимона, после чего неуверенно пробубнил: – Старший инспектор по особому разделу Прокуратуры австралийского штата Новый Южный Уэльс? Только этого мне и не хватало – для полного и однозначного душевного комфорта.... Хотя, это как посмотреть. Может, как раз, благодаря данному обстоятельству, мы с вами и придём к должному взаимопониманию.... Коллега, вам знакомо такое краеугольное понятие, как – «государственная тайна»?

– Знакомо, не буду скрывать. Высокая политика, стратегические интересы, предстоящие парламентские выборы и всё такое прочее.

– Вот-вот, и я о том же самом толкую, – облегчённо вздохнул аргентинский криминальный инспектор. – Расследование всех обстоятельств убийства дона Ганса Моргенштерна засекречено. Причём, по самому высшему и секретному уровню. Ничего не напишешь. А под чьим личным контролем данное расследование находится – даже сказать страшно. Такие громкие и знаковые фамилии (по крайней мере, у нас в Аргентине), не принято поминать всуе, – уважительно покосился в сторону Инэс. – Так что, предлагаю следующее. Ваша визитка с номером мобильного телефона – у меня. Если что – обязательно позвоню.

– Что – если что?

– Если появятся свежие новости – по ходу проводимого расследования. Новости, не относящиеся к разряду секретных, я имею в виду. Или же, к примеру, если потребуются ваши профессиональные навыки, знания и советы.... Договорились? Лады?

– Лады...

– Готова, обаятельный сеньор Педро, дать автограф, – неожиданно заявила Инни. – В обмен на чёткую и дельную информацию, понятное дело.

– Какой, извините, автограф?

– Ни – «какой», а – «куда». Вон, на правой стенке, над железным сейфом, висит мой фотопортрет в ярко-алом откровенном купальнике. Могу – прямо на нём – и расписаться.

– Инэс Сервантес? – прозрел Карраско. – Звезда модного телесериала – «Путь к сердцу героя»? Не узнал сразу. Виноват. Извините. Посыпаю голову пеплом и покорно прошу прощения...

– Ничего страшного. В сериале (да и на этой фотографии), я снималась в парике: длинные гладкие волосы – вместо настоящих, коротких и курчавых. Так что, вполне простительно.... Так как вам – моё предложение?

– Даже и не знаю, как теперь быть, – тут же впал в душевные терзания аргентинский криминальный инспектор. – Что делать? С одной стороны, секретность по высшему уровню. С другой, автограф знаменитой теледивы.... А как вы, уважаемые, относитесь к компромиссам?

– К разумным – сугубо положительно.

– Тогда предлагаю – честную и взаимовыгодную бартерную сделку: автограф в обмен на визитную карточку одного весьма дельного и очень полезного человека.

– Что ещё за человек? – подозрительно прищурился Роберт.

– Морис Мюллер, репортёр известной столичной газеты «Clarín». Или же корреспондент. Кто эту пишущую братию разберёт? Тем не менее, Морис вам, безусловно, пригодится. Он, как раз, и занимается (вернее, освещает их в столичной прессе), делами... э-э-э, аналогичными убийству уважаемого дона Ганса Моргенштерна. И мне иногда кажется, что репортёр Мюллер – по отдельным позициям – обладает даже большей информацией, чем все криминальные следователи и инспектора Буэнос-Айреса, вместе взятые.... А Морис вами непременно заинтересуется. Как же, внук легендарного Ганса Моргенштерна. Тем более, женатый на женщине с такой приметной «девичьей» фамилией.... И здесь вы, дамы и господа, не оплошайте. Трясите ушлого корреспондента – как грушу, щедро увешанную спелыми плодами.... Как вам, деловые партнёры, такие условия сделки?

– Нормальные условия. Принимаются.

– Тогда расписывайтесь, миссис Ремарк. Расписывайтесь, – искренне обрадовался Педро Карраско. – Большое и душевное спасибо. Такая честь для меня. Вы, сеньора Инэс, само совершенство....

– В морду получишь, – состроив зверскую гримасу, пообещал Роберт.

– Понял. Всё понял и не спорю.... Держите визитку репортёра. А это – ваши пропуска на выход.... Приятно было познакомиться, поболтать и всё такое. Не смею, уважаемые австралийские гости, больше вас задерживать. Извините, но уже через пятнадцать минут я должен быть – с кратким промежуточным докладом – на начальственном ковре у господина районного Прокурора.... Ах, да. Похороны дона Ганса. Вопрос об их дате и месте решается на самом Верху. Будет какая-либо однозначная информация – тут же свяжусь с вами....

Покинув районное управление Прокуратуры, они вышли на тихую зелёную улочку.

– А ты, Робби, говорил, что твой дедуля занимал – то ли в аргентинской полиции, то ли в городской Прокуратуре – какую-то «скромную и неприметную должность», – пожурела Инни. – А он, оказывается, «известный» и даже «легендарный». Более того, всем обстоятельствам его безвременной кончины присвоен высокий статус – «государственной тайны».... Как такое может быть?

– Сам теряюсь в предположениях и догадках.

– Ну-ну.... Ещё что скажешь?

– Запоминай, милая, все странности, неувязки и нестыковки. Все-все-все. Даже самые мельчайшие, безобидные и внешне-неприметные. Вечером обязательно обсудим.

– Предполагаешь, что имеет место быть – «серия»?

– Уверен на девяносто пять процентов из ста, – помолчав секунд пятнадцать-двадцать, подтвердил Роберт. – Помнишь утреннюю бабулю из безымянного ресторанчика? Которая, разволновавшись, случайно разбила чашечку из-под кофе?

– Конечно, помню.

– А её слова? Мол: – «Маньяк это. Точно вам говорю. Не сомневайтесь. Он уже второе лето подряд убивает заслуженных пенсионеров из «Эскадрона смерти»....»?

– Считаешь, что старушка говорила про убийство твоего деда, о котором написали в здешних утренних газетах? – задумалась Инэс. – То есть, получается, что Ганс Моргенштерн – до выхода на пенсию – служил в приснопамятном «Эскадроне»?

– Получается, что так.

– Наши дальнейшие действия, господин старший «маньячный» инспектор?

– Первое. Звоним ушлому репортёру Морису Мюллеру и договариваемся с ним об экстренной встрече. Второе. Покупаем сегодняшнюю утреннюю газету «Clarín» и знакомимся с её содержанием. Ну, а с «третьим» и «четвёртым», пожалуй, мы определимся чуть позже. Что называется, в рабочем и рутинном порядке.

– А всяких странностей-то – предостаточно. И здесь, и там.

– Вот и копи их, карглазка. Потом обсудим. Вечером...

Глава третья

Бар «Милонга»

– Может, репортёру – я позвоню? – достав из дамской сумочки нежно-сиреневый мобильный телефон, предложила Инэс. – Во-первых, мы не знаем, владеет ли он английским языком. А если и владеет, то в каком, собственно, объёме? Во-вторых, я – по твоим же собственным словам – являюсь барышней очень общительной, весьма коммуникабельной и, вообще, вызывающей доверие.... Так как, Робби?

– Звони, не вопрос.

– Тогда, любимый, диктуй номер.... Ага, готово. Нажимаю на «зелёную трубочку»...

Через несколько секунд Инни принялась с кем-то активно и живо общаться на испанском языке.

Вскоре разговор завершился, и она, предварительно отправив мобильник обратно в сумочку, объявила:

– Требуемые договорённости достигнуты. Наша встреча с Морисом Мюллером состоится в семнадцать тридцать, в баре «Милонга».

– А сейчас – сколько времени? – спросил Роберт.

– Четырнадцать пятнадцать.

– Хм. Нам дойти до этого бара – минут десять. Даже если брести медленным шагом, то пятнадцать-шестнадцать. Ладно, попробуем убить время посредством чтения местных газет...

Купив в ближайшем газетном киоске утренний номер «Clarín», они отыскивали тихий уютный сквер и устроились на очередной тёмно-синей скамье, которых в Буэнос-Айресе, судя по всему, было даже больше, чем разномастных кафешек и ресторанчиков.

– Нашла, – наспех пролистав газету, сообщила Инэс. – Статья на второй странице, только маленькая. Больше напоминает краткую заметку-сообщение. Называется – «Убийство очередного заслуженного ветерана спецслужб».

– Так зачитывай. То есть, переводи.

– Сейчас, подожди пару-тройку секунд.... Итак. «Вчера, через пятнадцать минут после начала рабочего дня, в нашу редакцию позвонили. Приглушённый нейтральный голос, который мог принадлежать как мужчине, так и женщине, попросил позвать к телефону вашего покорного слугу. Я взял телефонную трубку. Глухой безликий голос предложил выслушать его, не перебивая и не задавая каких-либо вопросов. Мною, естественно, такое обещание было дано.... После этого неизвестный (или же неизвестная?), сообщил следующее. Мол, несколько часов тому назад в своей квартире, расположенной по адресу – «Пласа Италия, дом 8, квартира 6», был застрелен господин Ганс Моргенштерн, легендарный ветеран аргентинских спецслужб. Причина убийства – месть за профессиональную деятельность покойного в 1956-1958-ом годах. На прощанье звонивший (звонившая?), провозгласил: – «Хайль Гитлер!» и повесил трубку.... Как видите, уважаемые читатели и читательницы, сбываются мои самые мрачные прошлогодние пророчества. Очередной герой документального романа «Неизвестный Эскадрон», вышедшего из-под бойкого пера модного писателя Дитера Кастильо, убит. Полная откровенность, она – зачастую – бывает очень опасной. Ещё не все Тени Прошлого канули в Лету. Далеко – не все.... Но куда же смотрят нынешние Руководители аргентинских рыцарей плаща и кинжала? Куда, я вас спрашиваю? И это притом, что, по мнению многих серьёзных профильных экспертов-аналитиков, «Эскадрон смерти» не был, всё-таки, распущен в 2001-ом году, а продолжает, наоборот, активно действовать и эффективно функционировать.... Почему подавляющее большинство ветеранов «Эскадрона» находятся под неусыпным надзором и надёжной охраной, а бывшие члены специальной группы «АнтиФа» оказались

практически беззащитными – перед неизвестными злодеями? Почему? Кто мне ответит на этот вопрос? Молчание – было ему ответом.... Жаль. Искренне жаль. Двойные стандарты – страшная и коварная штука, являющаяся верным предвестником скорых политических баталий и потрясений. Бедная моя Родина! Несчастливая Аргентина! Когда же в ней, вопреки всему и вся, воцарят справедливость, покой и всеобщее равенство перед Законом? Будем терпеливо ждать. Будем. Всё равно, ничего другого нам, милые мои сограждане, не остаётся...». Подпись: – «Всегда искренне ваш – Морис Мюллер...». Вот, такая статейка.... Как тебе, милый? На мой взгляд, излишне пафосно и с откровенным перебором. Согласен?

– Пафоса, безусловно, хватает, – подтвердил Роберт. – Вполне возможно, что уважаемая газета «Clarín» нынче всю сотрудничает с «левыми» оппозиционными силами Аргентины. В финансовом плане сотрудничает, я имею в виду.... Вместе с тем, в этой короткой заметке содержится и однозначно-полезная для нас информация. Во-первых, теперь уже окончательно стало ясно, что мой дед, действительно, служил в аргентинском «Эскадроне смерти». То есть, в одном из его структурных подразделений, именуемом – «АнтиФа». Причём, начиная с 1956-го года.... Во-вторых, выяснилось, что про это самое «АнтиФа» – года полтора тому назад – был написан некий документальный роман, где в качестве одного из героев фигурировал Ганс Моргенштерн. В-третьих, можно смело предположить, что книга «Неизвестный Эскадрон» не осталась – среди аргентинских читателей – незамеченной, раз про неё репортёр Мюллер писал в «Clarín» ещё в прошлом году. И не просто писал, а даже предостерегал, мол: – «Больно уж ветераны «АнтиФа» разоткровенничались. Как бы беды, тьфу-тьфу-тьфу, конечно, не приключилось. Тени Прошлого, они, отнюдь, не дремлют...». Ладно, и то, как говорится, хлеб. То бишь, полноценные материалы для дальнейших следственных и аналитических размышлений.... Сколько там времени?

– Четырнадцать часов сорок пять минут.

– Убили, называется, время.... Кстати, любовь моя хрустальная. По идее, мы с тобой сейчас должны скорбеть и печалиться, мол, умер близкий родственник. Всё это так. Действительно, умер. Действительно, близкий. То есть, убит.... Только, давай, сперва поймем подлого убийцу, а уже после этого и запечалимся. Так для дела, как показывает практика, будет гораздо лучше и продуктивней. Поэтому ведём себя – будто бы занимаемся обычным расследованием. То есть, расследуем убийство совершенно постороннего для нас человека. Иначе, поверь, никакого толка и прока не будет.... Договорились?

– Тебе, Робби, видней...

Выбросив смятую газету в тёмно-серую бетонную урну, они покинули гостеприимную тёмно-синюю скамью, и, крепко сцепившись ладонями-пальцами, неторопливо зашагали по улочкам и переулкам Буэнос-Айреса. Просто так шагали, не соблюдая какого-либо генерального направления, и без каких-либо конкретных целей.

– Мы же останемся здесь на всё ранее-запланированное время? – спросила Инни. – То есть, на две с половиной недели?

– А что? – тут же нахмурился Роберт. – У тебя есть какие-то другие предложения?

– Милый, ты меня совсем не так понял. Я же просто уточняюсь – с конкретной диспозицией. Ладно, сформулирую свой вопрос по-другому.... Мы же в ближайшие восемнадцать суток (как минимум), будем заниматься расследованием убийства твоего дедушки?

– Будем.... А что?

– А то, что в этом случае нам надо срочно подумать над сменой своих внешних обликов. Понимаешь?

– Ничего не понимаю. Зачем – менять облики?

– Как же иначе? – удивилась (почти искренне), Инэс. – В процессе следственных действий нам, безусловно, придётся встречаться и разговаривать с целой кучей здешнего народа.

А общеизвестно, что люди гораздо охотней и раскованней общаются со «своими». То есть, с такими же, как и они сами.... На кого, родное сердечко, мы сейчас похожи?

– На кого?

– Конечно же, на классических австралийских туристов. А должны – по идее и для пользы общего дела – смотреться самыми обыкновенными и неприметными «портеньо». Ну, так – сами себя – называют коренные жители Буэнос-Айреса.... Опять не въезжаешь в тему? Это же, «маньячный» инспектор, так элементарно. Одеваются аргентинцы и аргентинки совсем не так, как австралийцы и австралийки. Модные тенденции в этих странах, чтобы ты знал, разные. Гардеробы нам, просто-напросто, надо слегка обновить. Понимаешь? Гар-де-ро-бы.... А вон, как раз, и милая улочка, на которой расположена целая россыпь различных «шмоточных» магазинчиков и бутиков.... Пошли, взглянем?

– Ты это серьёзно? – недоверчиво склонил голову на бок Роберт. – Ну, про маскировку под здешних «портеньо»? Или же просто нашла достойный повод – разжиться модными южно-американскими обновками?

– Очень надо, – обиженно надулась Инни. – За кого ты меня принимаешь, жлоб белобрый? Ладно, пройдем мимо. Пройдем. Бог с ним. Не очень-то, кстати, и хотелось...

– Да сворачиваем, конечно, сворачиваем. Я же пошутил. Истратим на местные шмотки – без всяких вопросов – часть нашего семейного бюджета. Да и с необходимостью смены обликов, родная, ты полностью и однозначно права. Будем, действительно, притворяться «своими».... А исходя из чего, мы будем обновлять наши гардеробы?

– Исходя из увиденного на этих славных и симпатичных улочках. У меня, слава Богу, отличная зрительная память...

На долю Роберта досталось: чёрные зауженные джинсы, пара чёрных же балахонистых рубаш, бежевые бархатистые и ужасно-остроносые туфли, пижонский курортный костюм тёмно-салатного цвета, пару белоснежных рубаш (одна со «стоячим» воротничком, вторая, и вовсе, без воротничка), несколько ярких шейных платков, а также две мягкие шляпы со средними по размеру полями – угольно-чёрная и тёмно-салатная.

– Можно – по очереди – «разыгрывать» сразу два типично-аргентинских образа, – многозначительно и довольно улыбаясь, вещала Инэс. – Первый, это такой упёртый политически-озабоченный фанат с ярко-выраженной «правой» направленностью. Второй, это самовлюблённый столичный мачо-сердцеед, только стильной тросточки не хватает...

Себе же она приобрела: коротенькое пёстрое платье без рукавов, длинный летний жакет, тёмно-синюю юбку до колен, белоснежную блузку, украшенную пышными кружевами, и две элегантные дамские шляпки.

– И что нам теперь делать? – запечалился Роберт. – Тащить всё это с собой в «Милонгу»?

– Ничего и никуда тащить не надо, – заверила супруга. – Сами всё завтра привезут. Никуда не денутся. Сейчас я обо всём договорюсь. Например, вон с тем представительным менеджером...

Вернувшись, она сообщила:

– Проблема с доставкой снята. Причём, полностью.... Но ты, любимый, не расслабляйся раньше времени. Нам ещё надо зайти в соседний магазин, где продаётся броская бижутерия и местная яркая косметика. Все девушки и молодые женщины Буэнос-Айреса, как я заметила, делятся сугубо на две категории: либо скучно-бледные скромницы-пуританки, либо пёстро-стильные ветреницы...

Торгово-закупочная кампания была успешно завершена в шестнадцать десять.

– Кстати, а не пойти ли нам – прямо сейчас – в «Милонгу»? – предложила Инни. – Кушать очень-очень хочется. Пообедаем, а там и столичный репортёр подойдёт-подтянется.... Как считаешь?

– Согласен. Голод, как известно, не тётка.... Кстати, а почему сеньор Мюллер назначил нам встречу именно в «Милонге»? Не находишь это странным?

– Мы же договорились, что обсудим все накопившиеся странности и неувязки вечером. Не так ли? А договорённости, как известно, всегда следует неукоснительно соблюдать...

В «Милонге» было чуть душновато, но, вместе с тем, и очень уютно. Посетителей насчитывалось совсем немного. Порядка шестидесяти-семидесяти процентов посадочных мест – от их общего количества – было не занято. Седой сутулый тапёр лениво перебирал – длинными смуглыми пальцами – чёрно-белые клавиши старенького рояля, установленного на отдельном полукруглом подиуме.

А само обустройство бара, включая его общий дизайн и массивную мебель, мало чем отличалось от классических интерьеров среднестатистического ирландского паба. Ничего интересного и необычного, короче говоря.

На отдельном столике, стоящем почти у самого входа, располагался – на специальной подставке – фотопортрет пожилого мужчины: высокий морщинистый лоб, выпуклые надбровные дуги, задумчиво-мечтательные глаза, прямой породистый нос, узкие длинные губы, изломанные в печальной улыбке итальянского арлекина Пьеро, волевой подбородок.

Рядом с фотопортретом, на столешнице, лежала россыпь ярко-алых гвоздик. Именно – россыпь: цветы были разложены намеренно небрежно, без какого-либо стройного порядка.

– Эх, дедуля-дедуля, так и не успели мы с тобой потолковать по Душам, – остановившись возле столика с фотопортретом, негромко пробормотал Роберт. – Жаль.

– Конечно, жаль, – полушёпотом подтвердила Инэс. – Очень-очень-очень. До слёз.... Зато я теперь знаю, Робби, каким ты будешь в старости.

– И каким же?

– Очень интересным, симпатичным и импозантным стариканом. Ну, и мне, понятное дело, придётся соответствовать.... Милый, мы же договаривались, что грустить и печалиться об усопшем – будем чуть позже? После поимки подлого убийцы?

– Или же убийц, – машинально уточнил Роберт. – И совсем необязательно, что мы их поймаем. Возможно, просто уничтожим.... А вообще, да. Договаривались.

– Тогда пошли занимать столик...

К ним подошёл высокий седой метрдотель в чёрном мятом фраке и, отвесив вежливый полупоклон, что-то предупредительно забормотал по-испански.

– Сеньор, говорите, пожалуйста, на английском языке, – мягко улыбнувшись, попросила Инни. – Мой муж, к сожалению, не владеет испанским. Нехорошо, согласитесь, когда двое беседуют о чём-то, а третий их не понимает.

«Повезло тебе, братец, с женой», – одобрительно хмыкнув, прокомментировал рассудительный внутренний голос. – «Очень воспитанная, утончённая и тактичная девица. Не говоря уже о целом ворохе других – бесспорных и интимных – достоинств...».

– Конечно, конечно, – переходя на английский, отвесил очередной вежливый полупоклон метрдотель. – Вы, прекрасная сеньора, безусловно, правы.... Рад приветствовать вас, мистер Моргенштерн, в нашем скромном заведении. Это – большая честь.... А ещё примите мои самые искренние и глубокие соболезнования – по поводу безвременной кончины вашего... э-э-э, вашего близкого родственника.

– Спасибо, – поблагодарил Роберт. – Я – родной внук Ганса Моргенштерна.

– Вдвойне польщён вашим визитом. А также и присутствием здесь вашей очаровательной спутницы.

– Инэс Ремарк, – представилась Инни.

– Ремарк?

– Да, именно так. Инэс Ремарк.... А почему, уважаемый сеньор, в вашем голосе обозначились нотки удивления?

– Видите ли, сеньора. Просто у покойного дона Ганса было точно такое же дружеское прозвище – «Ремарк».... Извините, дамы и господа, что отвлекаю пустыми и бездарными разговорами. Вы же, наверное, проголодались?

– Ничего, мы потерпим, – заверил Роберт. – А скажите-ка, достопочтимый сэр, как вы узнали, что я являюсь близким родственником покойного Ганса Моргенштерна?

– Только не надо, ради Бога, именовать меня – «достопочтимым сэром», – засмутившись, попросил метрдотель. – Постоянные посетители узнают – обязательно засмеют.... Как узнал? Конечно же, определил по характерной и приметной внешности. Я, собственно, работаю здесь, в «Милонге», с шестнадцатилетнего возраста. Начинал обычным уборщиком, потом перешёл в официанты.... Так вот. Уже тогда дон Ганс был здешним завсегдатаем. Вы с ним, мистер Моргенштерн, очень похожи. Очень.... Вон там, кстати, – указал рукой в сторону дальнего окна, – и располагается столик вашего деда. Он только за ним трапезничал.... Если этот столик – на момент его прихода – был уже занят? Тогда дон Ганс – неизменно – устраивался за барной стойкой. Только так. И никак иначе.... Прошу вас, уважаемые, проходите. Проходите.... Занимайте ваш «фамильный» столик. Рассаживайтесь. Знакомьтесь с меню.

– Рискну, всё же, сделать заказ без меню, – решил Роберт. – Будете записывать?

– Запомню. Диктуйте.

– Двухлитровый кувшин разливного пива. Далее...

– Извините, но пиво – какой марки?

– Обидеть хотите?

– Простите, ещё раз.

– Итак, двухлитровый кувшин «Кильмес-Кристалль». Далее – закуски. Два тапаса⁴. Малое сырное ассорти. Два кусочка фаины⁵. Ну, и тортильи⁶ с хамоном⁷.... А минут через сорок-пятьдесят подайте две стандартные порции асадо⁸ – «а-ля гаучо».

– А что с десертами и ликёрами?

– Замените их на ещё один двухлитровый кувшин пива. И добавьте к нему... м-м-м, блюдечко со всякими и разными орешками.

– Весьма достойный заказ, мистер Моргенштерн. Весьма...

Метрдотель ушёл.

– Милый, ты же говорил, что никогда – до этой нашего вояжа – не бывал в Аргентине? – недоверчиво прищурилась Инэс.

– В первый раз посещаю эту замечательную страну, – подтвердил Роберт. – Честное и благородное слово.

– Почему же ты так хорошо разбираешься в аргентинской кухне? Заказ сделал – на раз.... Или же почерпнул все эти знания из Интернета?

– Если ты подзабыла – напоминаю. Мой отец, Отто Моргенштерн, прожил в этой стране – до своего судьбоносного отъезда в Австрию – двадцать два полновесных года. И он – до сих пор – без ума от Аргентины.... Скучает, конечно же. Очень сильно скучает. И в периоды, когда его посещает приставучая ностальгия, отрывается на кухне. То бишь, готовит всё-всё-всё аргентинское. Так что, в местной кухне я, действительно, неплохо разбираюсь. Дока, одним словом. Ничего хитрого...

---

⁴ Тапас – закуска в маленьких чашечках, овощная смесь из баклажан, перца, лука и фасоли.

⁵ Фаина – пирог из муки с турецким горохом.

⁶ Тортилья – маленькая тонкая лепёшка из кукурузной или пшеничной муки.

⁷ Хамон – в Аргентине – собирательное название сыровяленых ветчин.

⁸ Асадо – мясо (в основном, говядина), зажаренное на углях.

– Тогда возникают два совершенно-закономерных вопроса, – неуверенно и чуть напряжённо улыбнулась Инни.

– Я даже догадываюсь – какие.

– И, всё же?

– Задавай, конечно. Только оба сразу.

– Хорошо. Вопрос первый. Почему твой отец – после своего отъезда из Аргентины – так ни разу потом не посетил Родину и родителей? Ну, хотя бы с кратким визитом? Второй вопрос. Почему Отто Моргенштерн не приохотил тебя к испанскому языку, что, согласишься, было бы логично?

– Ты же и сама, любимая, знаешь ответы на эти вопросы. Вернее, ответ, – вздохнул Роберт. – В обоих этих случаях – бесспорно – проявилась железная воля моей матушки. Да, посещать Аргентину – это она отцу запретила. Причём, строго-настроено, категорически и навсегда... Почему? Наверное, боялась (да и до сих пор, скорее всего, боится), что он, глотнув здешнего вольного воздуха, больше не вернётся в Австрию. То бишь, выражаясь напрямик, вырвется – из «супружеской клетки» – на свободу.... Да, это матушка была категорически против того, чтобы я занимался испанским языком. Мол: – «Вполне достаточно немецкого и английского. Так как во всех по-настоящему цивилизованных странах общаются именно на этих благородных языках...». И в этом моменте, естественно, она настояла на своём. Впрочем, как всегда и во всём.

– А как же..., – на глазах Инэс даже навернулись крохотные слезинки. – А как же...

– Как же ты?

– Ага. Ик.... Нам же – через некоторое время – предстоит посетить твой Клагенфурт. Мне уже страшно-о-о...

– А ты, оказывается, трусиха, – по-доброму усмехнулся Роберт. – Успокойся, пожалуйста. Всё будет хорошо. Обещаю.... Во-первых, долго мы там не пробудем. Во-вторых, я всегда-всегда буду рядом. В-третьих, ты заранее получишь все необходимые и развёрнутые инструкции: чего ожидать, и как – в каждом конкретном случае – реагировать. В-четвёртых.... В-четвёртых, а кто из нас двоих – талантливая театральная актриса?

– Я-я...

– Правильно. Вот, выбери себе подходящую роль (или же, к примеру, сразу несколько ролей), и играй на здоровье.

– Хорошо, милый, я попробую, – аккуратно промокнув глаза носовым платком, пообещала Инни. – Кстати, надо же сообщить твоим родителям – о смерти деда.

– Чуть погода сообщи, когда окончательно прояснится ситуация с датой и местом похорон. И вообще, когда хоть что-нибудь прояснится.... Всё, закончили с житейской бестолковой лирикой. Напускаем на себя прилично-чопорный вид, нам пиво и закуски тащат...

Молодожёны уже доедали ароматное и в меру прожаренное асадо, когда к их столику подошёл приметный дядечка среднего возраста.

«Они здесь, в Аргентине, все – и мужчины, и женщины – приметные», – успел подумать Роберт. – «И данный индивидуум не является исключением. Невысокий, полноватый, европейские черты лица. Но, вместе с тем, загорелый – до бронзово-медной красноты. А волосы – рыжие-рыжие. Рыжее, просто-напросто, не бывает...».

– Морис Мюллер, разыскиваемый вами, – состроив вальяжную и спесивую физиономию, представился на сносном английском языке рыжеволосый дядечка. – Специальный и многолетний корреспондент газеты «Clarín».

– Очень приятно. Роберт Моргенштерн. Но можете называть меня по-простецки – «Ремарк». Или же – «инспектор Ремарк». На ваш выбор.

– Ремарк? – буквально-таки опешил толстячок.

- Ремарк, Ремарк.... А это – моя обожаемая супруга.
- Инэс Ремарк, – невинно промурлыкала Инни.
- Тоже – Ремарк?
- В обязательном и непреложном порядке.... А как же иначе? Да вы присаживайтесь, сеньор Мюллер. Присаживайтесь...
- Спасибо, – неловко опускаясь на стул, пробормотал специальный корреспондент столичной газеты, с которого куда-то слетела вся его вальяжность. – А скажите, это криминальный инспектор Карраско «навёл» на меня?
- Он самый, – отхлебнув пива из высокого бокала, невозмутимо подтвердил Роберт. – Кстати, предлагаю сразу же, не откладывая в долгий ящик, перевести наши отношения в деловую плоскость. Подчёркиваю, в насквозь деловую....
- Ладно. Переводите.
- Наши условия просты. Одна сторона задаёт вопрос, вторая отвечает. После этого стороны меняются местами. Количество вопросов-ответов должно быть соответствующим. Ответил, например, на три вопроса – задавай три своих.
- Согласен. Справедливые условия.
- Вот, представитель свободной аргентинской прессы, вы и попались, – язвительно усмехнулась Инэс. – То есть, три своих вопроса уже использовали.
- Как это?
- Так это. Ваш первый вопрос: – «Ремарк?». Второй вопрос: – «Тоже – Ремарк?». Третий – про инспектора Педро Карраско. И, попрошу заметить, на все эти вопросы вы получили чёткие и однозначные ответы.... Не так ли, уважаемый?
- Чёрт знает что...
- Да, ладно вам, Морис. Расслабьтесь. Мы же просто пошутили.... Правда, ведь, Робби?
- Безусловно. Мы же не какие-то там дешёвые и жадные жлобы с Уолл-Стрит.
- Однако, – облегчённо заулыбался Мюллер. – Ну, ребята, вы и даёте. Отличный прикол, спора нет. Значит, сработаемся.... Чико! – вскинул вверх правую руку и велел подошедшему официанту: – Мне – как и всегда. Одну среднюю парильяду⁹ и маленький графинчик каньи¹⁰. Быстро. Одна нога там, а другая уже здесь, – после чего сообщил: – А я, новые знакомцы, знаю наперёд все-все вопросы, которые вы хотите мне задать. Более того, пока ехал на эту встречу, успел продумать и все ответы. Поэтому предлагаю – для ускорения процесса – преобразовать наш диалог в мой сольный монолог. Не возражаете?
- Излагай, господин репортёр. Послушаем.
- Итак. Почему я назначил вам встречу именно в «Милонге»? Это совсем просто. Мы с доном Гансом иногда – уже после выхода документального романа «Неизвестный Эскадрон» – встречались здесь. И, положив руку на сердце, надо признать, что те наши разговоры получались. То ли неповторимая аура «Милонги» тому способствовала, то ли ещё что-то. Вот, и подумалось.... Почему я, войдя в бар, сразу же подошёл к этому конкретному столику? Ваш дед – во время тех памятных встреч – показывал мне фотографии прошлых лет. В том числе, и свои, сделанные в молодые годы. Вы с ним, мистер Роберт, достаточно похожи.... О чём мы говорили с сеньором Моргенштерном? Конечно же, об этом долбаном романе, будь он трижды неладен.... Чему и кому посвящена данная книга? Просто мемуары-воспоминания четверых ветеранов специальной группы «АнтиФа», организационно входившей в состав тогдашнего «Эскадрона Смерти».... Здесь я – для полноты картины – должен сделать маленькое историческое отступление. «Эскадрон смерти» – та ещё организация, чем-то сродни дешёвой городской проститутке. Мол, что клиент (в данном случае – Власть), скажет, то она и сделает-выполнит.

---

⁹ Парильяда – пряное парагвайское блюдо, мясо, запечённое на гриле.

¹⁰ Канья – парагвайская водка.

Причём, по полной программе и с неизменным прилежанием... Велено убивать коммунистов – убивает. Приказано зачистить страну от социалистов – зачищает. Рекомендовано плотно и вдумчиво разобраться с упрямыми и несговорчивыми лидерами профсоюзов – разбирается. Ну, и так далее, по расширенному списку.... Но есть в деятельности «Эскадрона», как это и не странно, светлые пятна. Мало, правда, но есть.... Например, в 1955-ом году свергли диктатора Хуана Перона, относившегося к нацистам, перебравшимся в Аргентину после окончания Второй мировой войны, весьма и весьма лояльно, и к власти пришло Правительство, которое возглавил Президент Педро Арамбуру. Вообще-то, сеньор Арамбуру тоже был человеком военным. То есть, априори, жёстким, беспринципным и чёрствым. Но.... Но, очевидно, свержение всемогущего Перона не обошлось без реальной помощи со стороны американцев, которые потом и «попросили» донна Президента – о содействии в разрешении некоторых насущных проблем. В частности, о действенной помощи в розыске особо-одиозных нацистских преступников, скрывающихся от международного Правосудия. Вот, тогда-то и была создана оперативная группа «АнтиФа». Ну, а в документальном романе «Неизвестный Эскадрон», как легко догадаться, и рассказывается о её деятельности в 1956-1958-ом годах. Мол, кого и как ловили-уничтожали. Кто оказывал в этом реальное содействие. А кто, наоборот, регулярно вставлял палки в колёса. Обычная книга, между нами говоря. Сейчас ещё и не то пишут.... Но случилось непредвиденное. Роман был опубликован зимой, а уже в начале лета прошлого года был убит первый ветеран «АнтиФа», упомянутый в книге и проживавший – на тот момент – в уругвайском Монтевидео. Причём, не просто так был убит, а, что называется, образцово-показательно: смертельный выстрел в сердце, потом в лицо трупа разрядили сразу две пистолетные обоймы, изуродовав его до полной неузнаваемости, а кисти рук отрубили и унесли в неизвестном направлении.... Поднялся шум, но так, совсем небольшой, мол, возможно, случайное совпадение, и не более того. Тем более что данное происшествие случилось на территории Уругвая, который, как всем известно, является ещё более непредсказуемой и бестолковой страной, чем даже наша Аргентина.... Но (опять это – «но»), через неполный месяц – после первого убийства – произошло второе. На этот раз погиб ветеран «АнтиФа», коротавший свой жизненный век в аргентинской Кордобе. Причём, и здесь не обошлось без изуродованного пулями лица и отрубленных кистей рук. Зашумело уже по-взрослому. Издательству даже пришлось – в срочном и экстренном порядке – печатать дополнительные тиражи романа «Неизвестный эскадрон».... Вот, тогда-то я и занялся этой темой. Встретился и поговорил несколько раз с уважаемым доном Гансом. Написал и опубликовал в «Clarín» пару-тройку статей-предостережений, мол: – «Совсем наши аргентинские спецслужбы разучились жирных мышей ловить. Даже своих заслуженных ветеранов защитить не в состоянии...». После этого убийства прекратились. Почему? Считаю, потому, что «Эскадрон смерти» взял сеньора Ганса Моргенштерна и четвёртого «мемуариста» из «АнтиФа» под надёжную и серьёзную охрану.... Удивляетесь? Мол: – «Какой ещё «Эскадрон смерти»? Его же распустили ещё в 2001-ом году...». Оставьте, пожалуйста. Мы же с вами люди взрослые и разумные. Ну, зачем, спрашивается, распускать эффективную и многими годами проверенную структуру? Достаточно её просто старательно засекретить и тщательно замаскировать. Житейская логика и прагматическая целесообразность, ничего личного. Извините, но вынужден ненадолго прерваться...

Подошёл молоденький официант и выставил на столешницу – перед специальным корреспондентом – широкую тарелку с двумя кусками тёмно-коричневого мяса, графинчик с мутной жидкостью и пузатую рюмку синего стекла. Выложив рядом с тарелкой столовые принадлежности, обёрнутые белоснежной салфеткой, и пожелав клиенту «приятного аппетита», юноша удалился.

Рыжий толстячок, плотоядно заурчав, наполнил рюмку подозрительной жидкостью из графина, выцедил её до дна, поставил опустевшую стеклянную тару на стол, болезненно помор-

щился, икнул, потряс головой, а после этого, ловко орудуя ножом и вилкой, принялся – с недюжинным аппетитом – поглощать тёмное мясо.

«Странные, всё же, у него вкусовые пристрастия», – подумал Роберт. – «Эта так называемая парильяда – явно-подгоревшая. А от каньи – за морскую милю – несёт деревенской сивухой...».

Мюллер, браво «хлопнув» вторую рюмашку и небрежно обтерев рот ладонью, пояснил:

– Вынужден – по делам корреспондентским – много времени проводить в заштатном и провинциальном Парагвае. Да и почти все мои близкие родственники там проживают. Вот и приохотился к специфичной парагвайской кухне. А ещё и этот бронзово-медный загар заработал.... Всё, антракт завершён. Продолжаю повествование.... Статья в сегодняшнем утреннем номере «Clarín». Да, такой звонок, действительно, был. Всё без дураков. Для чего убийца (а это, безусловно, был он), позвонил в нашу редакцию? Скорее всего, из-за каких-то приставучих и неадекватных тараканов в голове. Он сразу же поставил жёсткое условие, мол: – «Дайте мне честное слово, что фраза – «Хайль Гитлер» будет напечатана в вашей газете чёрным по белому. Иначе эксклюзива не получите никогда...». Пришлось, понятное дело, пообещать. А потом, естественно, и исполнить. Как же иначе? Безупречный имидж – для любого уважающего себя репортёра – дело наипервейшее, наиважнейшее и святое.... Что я сделал после завершения этого странного телефонного разговора? Конечно же, сразу позвонил криминальному инспектору Карраско. Мы с ним давно, успешно и плодотворно сотрудничаем. Но Педро был уже в курсе. Дело в том, что к сеньору Гансу Моргенштерну – сразу же после совершения второго «ветеранского» убийства – была приставлена надёжная охрана: возле его подъезда постоянно дежурил вооружённый сотрудник спецслужб, а когда дон Ганс выходил по делам в город, то его неизменно сопровождали (конечно, ненавязчиво и скрытно), сразу два опытных телохранителя. Так вот. В то утро – в подъезде дома по адресу: – «Плаза Италия, дом 8», – было обнаружено мёртвое тело охранника, нёсшего полусуточную вахту. Он был застрелен из пистолета, который, скорее всего, был оснащён глушителем. Естественно, к месту происшествия тут же прибыла группа «быстрого реагирования». Бойцы поднялись на третий этаж и позвонили в «шестую» квартиру. Тишина. Ещё пару раз позвонили. Тишина. Тогда они открыли дверь запасными ключами (спецслужба, как-никак, дубликатами уже давно обзавелись). Ну, и обнаружили в квартире – мёртвое тело. Без лица и кистей рук.... Извини, Ремарк, за такие мало-приятные подробности.

– Ничего, у меня с нервами всё в порядке, – заверил Роберт. – А почему этих самых «подробностей» не было в утренней статье?

– Голову пообещали оторвать.

– Инспектор Карраско?

– И он тоже. И ещё кое-кто – рангом повыше.

– Уж, не мой ли однофамилец? – оживилась Инни.

– Однофамилица.... Давайте, ребята, обойдём этот скользкий момент стороной? Жить, честное слово, хочется...

– Хорошо, обойдём. Как скажешь, – не стал спорить Роберт. – Ты и так нам рассказал очень много важного и полезного. Спасибо, конечно.... Что, писака, хочешь получить взамен?

– Не так, уж, и много, – откровенно-выжидательно улыбнулся Мюллер. – Один ответ – на один вопрос. И одно обещание.

– Давай, излагай.

– Ты же, Ремарк, будешь проводить собственное расследование?

– Обязательно. И до полного упора.

– Понятно. Я так, почему-то, и думал.... Тогда – просьба. Пообещай, что я первым – из представителей аргентинской прессы – узнаю об его итогах.

– Обещаю.

– Так всё и будет, – подтвердила Инни. – Уговор – дороже денег.

– Верю, – удовлетворённо шмыгнул медно-розовым носом корреспондент «Clarín». – Вам, ребята, верю.... Может, будут дополнительные вопросы? Пожелания?

– Нам нужны все координаты четвёртого ветерана, упомянутого в документальном романе. Ну, того, который пока ещё жив.

– Выдам.

– И самого писателя, – подключился Роберт.

– Дитера Кастильо?

– Ага, его самого.

– Сейчас всё будет, – Мюллер торопливо достал из кармана джинсовой куртки блокнот и шариковую ручку. – Записываю. Адреса, телефоны.... Вот, держите листок. Попробуйте пообщаться с фигурантами. У меня, увы, не получилось.

– Почему?

– Четвёртый ветеран, Георги Благов, проживает в городе Мендоса. По телефону он общаться со мной не захотел. Мол, приезжай – тогда и поговорим. Но Мендоса, как известно, не ближний Свет. Расположена на крайнем западе страны, рядом с чилийской границей. Так я и не нашёл времени на эту поездку.... А Дитер Кастильо, вообще, со всеми общается только через своего личного секретаря. То есть, через секретаршу. А она, как назло, раньше работала в нашей газете. Ну, конкурировали мы тогда с Лусией. Жёстко, до крови. К чему скрывать? Бортанула она меня, короче говоря, в грубой форме и к «телу» писательскому так и не подпустила...

– Ещё один важный момент. Что можешь сказать про убийства археологов, которые произошли по весне прошлого года?

– Ничего, – недоумённо передёрнул покатыми плечами рыжеволосый репортёр. – Впервые слышу про это. Не мой, извините, профиль. В том смысле, что с политикой упомянутые убийства, скорее всего, никак не связаны. Иначе я бы знал про них.... А всякими науками, искусствами и культурой у нас занимается (то есть, пишет про них), Исидора Мюллер, моя сестра-близнец. Только, к сожалению, её сейчас нет в Буэнос-Айресе. Колесит где-то по провинции...

В ресторанном зале раздались жиденькие аплодисменты.

– Это пожилой тапёр, отыграв положенное время, уходит домой, – пояснил Мюллер. – Теперь к роялю могут подходить все желающие.... Кстати, дон Ганс – во время тех наших встреч – всегда пользовался такой возможностью. Его немудрёные песенки здесь неизменно пользовались большой популярностью...

Он поднялся на помост.

В зале вежливо захлопали – очевидно, в баре присутствовали завсегдатаи, знающие и понимающие – кто сейчас перед ними.

– Прошу простить, дамы и господа, но я не владею испанским языком, – извинился Роберт. – Поэтому спою песню на английском. Не обессудьте.... О чём эта песенка? Конечно, о Любви. Моей обожаемой супруге, Инэс Ремарк, посвящается...

Он уселся на хлипкий крутящийся стульчик, приставленный к старенькому роялю, попробовал – подошвой правого ботинка – упругость латунных педалек и, небрежно пробежавшись подушечками пальцев по чёрно-белым клавишам, запел:

Ты больше не играешь в покер по пятницам.

Ни в «техасский», ни в какой-то другой.

Звёзды – в окошко – насмешливо скалятся...

Что случилось с тобой?

Родео субботнее – тупо заброшено.
Как и старинные друзья.
Трава у хижины опять не скошена.
Нельзя так, братец, нельзя...

Что ты нашёл в ней? Странной, нездешней?
Кактусы – от удивления – сбрасывают иголки.
Телята валяются в дорожной пыли, избавляясь от вшей.
За Рыжей горой насмешливо воют голодные волки.

Что ты нашёл в ней? Луна подмигивает криво...
Почему ты молчишь, ковбой?
Лишь свою Любовь, амиго.
Лишь – свою – Любовь...

Глава четвёртая

Разбор странностей и нестыковок

Попрощавшись с Морисом Мюллером, Роберт и Инни – на двух такси – отправились домой: на одной машине они доехали до ближайшего супермаркета, где, ни в чём себе не отказывая, заготовились всякими и разными продуктами-напитками, а на второй – непосредственно к «Меблированным комнатам Жоржиньо».

Расплатившись с таксистом, они подхватили объёмные полиэтиленовые пакеты с покупками, поднялись на второй этаж и, отомкнув массивным бронзовым ключом дверной замок, вошли в свои (то есть, в съёмные), апартаменты.

– Гав-в-в! – встретил их рассерженный и слегка обиженный Рой, мол: – «Что ещё за дела? Вы, хозяйева, совсем с ума сошли? И совесть где-то по дороге потеряли? На часы-то смотрите? Хотя бы изредка? Двадцать один ноль пять, а я так и не выгулян. И, более того, был вынужден – целый день напролёт – питаться сугубо сухим кормом. Неслыханное дело. Бардак и бедлам. Чёрт знает что...». – Гав-в!

– Бедненький ты мой! – виновато засуетилась Инэс. – Оголодал-то как. Даже хвост толком не виляет. Потерпи немного, родной, сейчас я тебя накормлю. А после этого и на прогулку сходим.... Робби, разметь, пожалуйста, продукты в холодильнике, ты же знаешь – на какую полку что складывать. Только хлеб-булку и конфеты-пирожные от холода избавь, сложи их вон в то отделение буфета.... Рой, иди сюда. Вот, кушай. Извини, но почек и печени не было. Мол, их можно купить только где-то на окраине города, в специальном магазине для бедных. А это – так называемая «мраморная» говядина. Причём, почти в три раза дешевле, чем в нашем Сиднее...

Через некоторое время, прикрепив кожаный поводок к ошейнику на шее Роя, она объявила:

– Милый, мы с пёсиком идём на прогулку. Будем ждать тебя возле «утреннего» ресторанчика. Догоняй!

– Ага. Только заскочу в туалет, а потом зайду – на чуть-чуть – в Интернет. Ознакомлюсь, что называется, со свежими мировыми новостями...

Роберт покинул апартаменты примерно через пятнадцать-семнадцать минут.

Вышел в коридор, запер дверь, отправил ключ в карман брюк и насторожился: снизу долетал непонятный шум, свидетельствовавший о беспокойной и нервной суете, а ещё где-то на улице навязчиво взвизгивала автомобильная сирена.

«Может, пожар?», – пробежала в голове тревожная мысль.

Он торопливо спустился по лестнице.

В холе гостиницы было многолюдно, мужчины и женщины бестолково сновали туда-сюда.

«Вон и наши», – облегчённо вздохнув, сообщил заботливый внутренний голос. – «Инни о чём-то заинтересованно шепчется с представительной дамой бальзаковского возраста, облачённой в шикарное тёмно-красное платье с потрясающим декольте. Рой беззаботно прохлаждается рядом. А на керамических плитках пола – возле гостиничной стойки – лежит какой-то человек, над которым обеспокоенно склонились двое мужчин...».

Автомобильная сирена, наконец-таки, утомилась, и примерно через полминуты в холл – со стороны улицы – вошли трое в светло-зелёных комбинезонах, с компактными чемоданчиками в руках.

Плотный и широкоплечий «светло-зелёный» мужчина, шедший первым, тут же принялся – зычным и властным голосом – раздавать какие-то команды на испанском языке.

«Просит освободить докторам дорогу», – предположил сообразительный внутренний голос. – «И, вообще, советует всем разойтись по номерам и не мешаться под ногами у специалистов, выполняющих важную и ответственную работу...».

Инни обернулась и, заметив мужа, призывно махнула рукой, мол: – «Действительно, не стоит мешать занятым людям. Тут и без нас прекрасно обойдутся. Выдвигаемся на прогулку...».

Они вышли на улицу и зашагали по тротуару.

Через минуту Инэс, оглядевшись по сторонам и убедившись, что чужих ушей поблизости нет, призналась:

– Это из-за меня бедному сеньору Мануэле Жоржиньо стало плохо.

– Гав, – стыдливо дёрнув коротким хвостом, подтвердил Рой.

– Как это – из-за тебя? – непонимающе нахмурился Роберт. – Шутить изволим, прекрасная барышня?

– Какие, уж, тут шутки? Всё, к моему большому сожалению, всерьёз.... Понимаешь, ты задерживался, вот, я и решила – слегка пообщаться с доном Мануэлем. Сперва про погоду поговорили. Про политику. Про чемпионат Аргентины по футболу. То, да сё. А потом я возьми, да и спроси, мол: – «Как часто, уважаемый сеньор, вы навещаетесь в уругвайский Монте-видео?». С чего – спросила? Не знаю, честное слово. Мысли всякие терзали, например: – «Почему, интересно, первое убийство «мемуаристов» произошло именно в столице Уругвая? С каких таких коврижек недопечённых?». Ну, и брякнула.... А пожилой сеньор, вдруг, разволновался, засуетился и, трусливо виляя взглядом, забормотал, мол: – «Наезжаю иногда. Так, ради смены обстановки. Не более того.... Когда был там в последний раз? И не помню уже. Склероз, извините, милая девочка...». Здесь бы «милой девочке» и притормозить. Так нет же. Чёрт, видимо, дёрнул. Взяла да и поинтересовалась – относительно моей «девичьей» однофамилицы, которую откровенно побаиваются и криминальные аргентинские инспекторы, и известные столичные журналисты. Тут-то дедушке поплохело уже по-настоящему: схватился ладошкой за левую сторону груди и, ужасно побледнев, в обморок грохнулся. Хорошо ещё, что я умудрилась подхватить его под мышки и бережно опустить на пол. Повезло.... Покричала, конечно, немного. Народ сбежался. «Скорую» оперативно вызвали.... Нехорошо получилось, спора нет. Будем надеяться, что пожилой сеньор обязательно поправится...

– Будем, не вопрос, – согласился Роберт, а после этого решил: – Всё, звоним Танго. Она же у нас – знатная и заслуженная шпионка. Вот, пусть и объяснит – что это за «сеньора Сервантес» такая.... Кстати, а почему на городских улицах нынче так безлюдно?

– Это, как раз, просто. Жители Буэнос-Айрес отдыхают. В том плане, что активно отдыхают, разбредаясь по кафешкам, ресторанам, клубам, кинотеатрам и варьете. Национальная традиция такая.... Милый, доставай уже мобильник и звони Танго. Мне невтерпёж разобраться с этим странным и запутанным делом.

– Сейчас позвоню. Вот, кстати, очередная удобная тёмно-синяя скамейка. Присаживайся, любимая. Сейчас-сейчас.... Уже короткие гудки призывно плачут.... Танго? Привет! То есть, добрый вечер.

– Вечер? – откликнулся в трубке на удивление бодрый женский голосок. – Извини, Ремарк, но у нас – утро. Разница в часовых поясах, ничего не попишешь. Я, как раз, на работу собираюсь.... Ну, какие у вас с Инэской новости? Выкладывай.

И он выложил – кратко, сжато и сугубо по делу.

– Ничего себе, – огорчилась соратница. – Прими, Ремарк, мои искренние соболезнования.

– Принято. Что скажешь по сути?

– Не готова ответить – вот, так сразу. Подумать надо. Полученную информацию тщательно проанализировать и переварить. С коллегами посоветоваться.... Что же касается Инэ-

скиной однофамилицы. Здесь нет особых секретов. Докладываю. Мария Сервантес, служебное прозвище – «Мара». На настоящий момент возглавляет аргентинский «Эскадрон смерти». Нормальная такая девица, правильная, волевая и бесшабашная. Мы с ней в английском Лондоне – краешком – пересекались¹¹. Так получилось, что по одному делу работали. Правда, с совершенно разными конечными целями и задачами.... Сделаем, пожалуй, так. Мой супруг долгое время служил – в одном секретном подразделении – вместе с мужем Марии. Позвоню Хантеру, пусть свяжется с Алексом и, по старой дружбе-памяти, поговорит с ним. Так что, «Эскадрон» скоро выйдет на вас, голубки. Выйдет и обязательно поможет, чем сможет. Как солдат – солдату.... О, автомобильный клаксон надоедливо гудит за окном. Это, надо понимать, меня вызывают. Всё, побежала. До связи, Ремарк. Инэске приветтики передавай. Роджер...

Роберт пересказал жене содержание состоявшегося телефонного разговора.

– Как же тесен наш Мир, – удивлённо покачала черноволосой головой Инни. – Сплошные пересечения и совпадения.... Теперь-то понятно, почему фамилия «Сервантес» вызывает у местных обывателей такую неоднозначную реакцию.... Милый, а ты меня любишь?

– Люблю.

– А как – любишь?

– Как славный аргентинский народ – Эвиту Перон, свою Небесную Принцессу...

Они неторопливо тронулись дальше, время от времени переходя с одной тенистой улочки на другую.

– Кстати, я, кажется, знаю, почему здешние Власти ничего не могут сказать о дате похорон твоего деда, – поделилась соображениями Инэс. – Понимаешь, в некоторых странах Южной Америки «похоронные» законы – достаточно строгие. То есть, хоронить – в обычном порядке – можно только человека, личность которого установлена однозначно. А с доном Гансом всё обстоит достаточно непросто. С его мёртвым телом, я имею в виду.... Отпечатки пальцев, увы, не снять. Зубные протезы, возможно, сильно повреждены пистолетными пулями. Остаётся лишь генетическая экспертиза. И ты, милый, являешься идеальным кандидатом – для сравнения цепочек ДНК. То есть, твои волосы, ногти и слюна.... Почему к тебе до сих пор не обратились по данному вопросу? Это же, любимый, Аргентина. Бюрократия здесь – просто запредельная и всеобъемлющая. Для проведения генетической экспертизы необходимо – для начала – получить соответствующее решение суда. А это дело, без всяческих сомнений, долгое. Пока дойдёт очередь, пока должным образом оформят решение. На это может и месяц уйти, и два, и больше...

Погуляв ещё с полчаса, они вернулись в «Меблированные комнаты Жоржиньо».

В холле, за гостиничной стойкой, расположилась давешняя представительная дама в тёмно-красном платье, отчаянно «клюющая носом». Увидев Инни, она тут же встрепенулась и принялась – практически без умолка – о чём-то болтать по-испански. Завязался оживлённый разговор, полный эмоциональных восклицаний и междометий.

Роберт и Рой, чтобы не мешать барышням, поднялись на второй этаж и, предварительно отомкнув дверной замок, прошли в свой номер.

– Гав, – поведал пёс.

– Аппетит нагулял?

– Гав!

– Не откажешься ещё от одной порции «мраморной» аргентинской говядины? Молодец, наш человек, – одобрил Роберт. – Сейчас предоставлю. Не вопрос...

Вскоре в комнате появилась Инэс – прикрыла дверь, задвинула щеколду и сообщила:

¹¹ Об этом рассказывается в романе – «АнтиМетро. Джек Потрошитель».

– Не так всё и плохо. Дона Мануэля, конечно же, забрали в больницу. Но так, ненадолго и ради пущей профилактики. Приступ, слава Богу, оказался пустяковым. Это мне его младшая дочка рассказала, ну, та дама с низкопробным декольте.... Ага, наш пёсик уже покушал. Замечательно. Значит, можно перейти и к серьёзным делам.

– Э-э-э.... К каким, например?

– Мы же, кажется, договаривались – заняться аналитическим разбором всех накопившихся странностей, нестыковок и неувязок?

– Договаривались, – подтвердил Роберт. – Просто я подумал, что для начала...

– Значит так. Раздеваемся. Принимаем совместный супружеский душ. Переодеваемся в «домашнее». А после этого приступаем, уже не отвлекаясь на всякие любовные глупости, к обсуждению и разбору.... Как тебе, Робби, такой нехитрый план?

– Принимается. Уже раздеваюсь...

Через час с небольшим, открыв две бутылки «Кильмес-Кристалль» и насыпав в глубокое блюдо традиционное «ореховое ассорти», они уселись – друг напротив друга – за кухонным столом.

– Излагай, любимая, – уважительно подмигнул Роберт. – Продемонстрируй-ка свою природную наблюдательность, житейскую рассудительность и женскую смекалку.

– Как скажешь, «маньячный» инспектор – польщено улыбнулась в ответ Инэс. – Начнём, пожалуй, с водителей такси...

– Даже так?

– Ага. Мы – за время пребывания в Буэнос-Айресе – услугами такси пользовались целых три раза. Первый, когда ехали из аэропорта. Второй и третий – сегодня, когда возвращались из «Милонги». Водители все три раза были разные. Вроде бы. Хотя, одного и того же возраста, усаые и прекрасно-говорящие на английском языке. Поменять узенькие рыжие усишки на пышные чёрные – не проблема. Да и с париками та же история.... А машины? Первый и третий раз это был один и тот же автомобиль. Да, с разными номерами. Но с одной и той же приметной вмятиной на правой задней дверке.

– Молодец, глазастая.

– А то.... Получается, Робби, что нас старательно «ведут»? То есть, тщательно «пасут»?

– Сейчас проверим, – пообещал Роберт.

Он поднялся на ноги, прошёл в комнату, достал из дорожного баула маленькую чёрную коробочку, презентованную когда-то Питером Модильяни, Прокурором австралийского штата Новый Южный Уэльс, и вернулся на кухню.

– Дай мне, дай мне, дай мне, – тут же дурашливо заблажила Инни, а встретившись взглядом с возмущёнными глазами мужа, послушно перешла на вкрадчивый тихий шёпот: – Дай мне, дай мне, дай мне...

– Держи, липучка черноволосая.

Инни, победно улыбнувшись, взяла приборчик в правую ладонь, подняла руку вверх и указательным пальцем уверенно перевела единственный тумблер, выступавший из корпуса коробочки, в рабочее положение.

Через несколько секунд в правом верхнем углу прибора загорелась крохотная розовая лампочка.

Роберт расстроено покачал головой, после чего махнул рукой в сторону комнаты.

– Не учи учёную, – откликнулась супруга. – Сама знаю, чай, не маленькая...

Они прошли в комнату, и цвет приборной лампочки ожидаемо поменялся с розового на красный.

– Гав, – заверил из кресла-качалки Рой, мол: – «На этот раз я не при чём. Ну, нет у меня за кожаным ошейником хитрого шпионского «жучка». Честное собачье слово...». – Гав!

– Охотно верю, – успокоил пса Роберт и, перейдя на заговорщицкий шёпот, принялся давать советы: – Пройдись-ка туда-сюда. Руку, пожалуйста, не опускай и держи ровно. Теперь – вдоль стен, по периметру... Внимательно смотрим на лампочку. Нужный цвет – кроваво-рубиновый. Ничего, сейчас мы его быстро вычислим. Не вопрос...

Через три минуты «жучок» был успешно обнаружен: на внутренней стороне левой створки трюмо была – с помощью прозрачного скотча – закреплена маленькая чёрная «скрепка».

– Везде всё одно и то же, – старательно разломав «скрепку» на составные части, подытожил Роберт. – Ничего нового придумать не могут, деятели скучные и однообразные. Ну, никакой тебе фантазии...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.